

АЛЕКСАНДР ИДОЛЕНКОВ

**ПОДВИГ
БЕССМЕРТИЯ**

Книга первая

Александр Идоленков

**Подвиг бессмертия. Книга
первая. Откровение**

«Издательские решения»

Идоленков А.

Подвиг бессмертия. Книга первая. Откровение / А. Идоленков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967935-2

Многоплановая повесть о меняющемся мире людей XIX столетия на Брянщине, о жесточайшей войне и всех кошмарных ужасах, сопровождающих её. О мыслях умирающих в сражениях партизан, о лишениях и чудовищных унижениях женщин и их детей. О репрессированных и морально раздавленных в застенках НКВД невинных людях. О любви, облечённой таинственностью увлекательных удовольствий, жадой познаний раскрывающегося мира и разочарованием народов последствиями итогов послевоенного устройства общества.

ISBN 978-5-44-967935-2

© Идоленков А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая.	7
Глава первая	7
Глава вторая	49
Глава третья	54
Глава четвёртая	62
Глава пятая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Подвиг бессмертия Книга первая. Откровение

Александр Идоленков

Дизайнер обложки Алексей Идоленков

© Александр Идоленков, 2019

© Алексей Идоленков, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-7935-2 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-7936-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Посвящаю эту повесть свою моей бесконечно любимой, незабвенной мамочке. Пусть светлая сущность души её цветёт и зиждется в лучах любви нашей памяти и вечно блаженствует в прекрасных оранжереях иных миров, не ведая даже лёгкого дуновения невзгод и лишений.

Она жила каждым вздохом, отдавая людям всё доступное ей, что было в пределах её возможностей. С достоинством и честью пронесла в течение всей своей каторжной жизни тяжёлый груз испытаний, обрушившийся на её женские плечи во времена катаклизма истории жестокого века.

Она безропотно разделила судьбы тысяч и тысяч сограждан своей многострадальной Родины во имя обещанного авантюристами светлого будущего всему человечеству.

Она покинула нас, не дождавшись коммунистического рая, тихо, без укоров, поняв, что лжи, людей без совести и чести не будет конца. Светлая память о ней останется в моей душе, пока я буду в состоянии мыслить.

Часть первая. Юность Степана

Глава первая Первая Стёпкина любовь, непримиримый соперник, неудачная стычка

Едва забрезжил рассвет первозданного утра, Стёпку, спавшего на сеновале под крышей скотного сарая, пробудил нарастающий гам возбуждённых голосов, доносившийся до него со стороны дороги. Чуткий сон его был мгновенно нарушен. В один миг он вскочил и опротягивая выбежал на улицу. То, что предстало его пониманию, показалось какой-то средневековой дикостью.

По дороге, прямо по её середине, шла возбуждённая толпа деревенских крестьян с криками и бранью, волоча Семёна Сучкина, привязанного к обыкновенному берёзовому колу, вырванному кем-то из забора ограждения.

Семён был босоног, как, впрочем, и все присутствующие здесь люди, в грязном домотканом белье, пропитанном большими пятнами крови в смеси с разнообразным мусором и прилипшей к ней землёй, видимо, вследствие издевательств. Его спутанные чёрные с сединой волосы свисали слипшимися масляными струпами на окровавленное, всё в ссадинах лицо, закрывая собой глаза; тело, виднеющееся сквозь дыры на спине и ногах, имело явные следы недавних побоев. Смотреть на это изваяние без содрогания и сострадания не было сил. Отделали его эти «добрые» соседи без снисхождения по полной программе ещё до представления на всеобщее обозрение общественности.

По сторонам и со спины привязанного шли крайне озлобленные мужики с суровыми лицами и короткими палками в руках, которыми они через определённые промежутки времени били Семёна по телу и пяткам. Чувствовалось, что ему было невозможно терпеть эти жестокие побои; от каждого ощутимого удара он неистово кричал каким-то неестественным дурным голосом, поднимая при каждом ударе лицо к небу, будто просил пощады у Всевышнего.

– Что здесь происходит? – обратился Степан к ближайшему человеку, когда процессия поравнялась с ним.

– О-о-о! Достопочтимый учитель, – охотно приступил к разъяснению ночной сторож Керим Узбеков, – «пролетарий» украл сегодня ночью козу у Митюхи, зарезал её и наварил много мяса. Сам ел и угощал собравшихся голодных друзей. Все были довольны и веселы. Животы набили мясом плотнюком. Но вот Митяй Лупызин со своими братьями захватили его врасплох на месте преступления, отмутузили вдоволь, ох как больно били, достопочтенный учитель, я это знаю сам по себе, и хотят сотворить над ним экзикут перед всем обществом. Ой, нехорошо они делают, нехорошо! Поэтому и ведут его теперича в таком виде на соборную площадь на обзор всей общине.

– А где же соучастники преступления?

– Те люди нам неизвестны, они пришлые.

– И почему же вы их не взяли? Возможно, они главные заправила в этом пока не ясном деле, а Семён Сучкин вовсе и не виноват.

– Дык они с ножами! Они схватили мешок с мясом козы и убёгли в лес. Их тяперича не поймать. Ни в жизнь не поймать! – с досадой подытожил Сафрон Терёзов, местный бондарь.

– Я видел, куда они пошли, – вновь ввязался в разговор Керим.

– И куда же, можешь показать?

– Так вот, в аккурат за ваш дом, достопочтенный учитель, напрямиком к лесу и ушли, – уточнил сторож.

Сторож этот – Керим, подлинный узбек, и живёт он в означенной деревне Сдесловке уж, наверно, лет, эдак, тридцать, а может, и того более. Появился он здесь ещё в конце девятнадцатого столетия, вроде с неба свалился – худющий, весь чёрный и грязный, перепуганный и больной. Косые прорези глаз и выпирающие скулы на висках выдавали его как представителя монголоидных народностей, что вызывало недоверие и отторжение большинства населения деревни. Ещё не зажили за прошедшие века раны и обиды от этих варваров.

Много воды утекло вниз по течению рек, прежде чем стало известна истинная история этого малого. Оказывается, жил он в далёкой Фергане, страна Узбекистаном называется. Жили бедно на крошечном клочке земли, где за высокими глиняными дувалами в тени лоз винограда ютился уютный маленький домик. С детства Керим, сидя на развилке персикового дерева, наблюдал за девочкой Гульнарой, игравшей на соседском дворе. И хотя у мусульман женщинам не положено показывать лица посторонним, Гульнара, как бы невзначай, приоткрывала пеньджаби и с улыбкой смотрела на Керима, иногда даже язык показывала, строя рожицу. Любовь без последствий, по-иному и не выскажешься. Ибо калым за девушку Гульнару ложился тяжёлым невыполнимым бременем на всю Керимову родню. Повзрослев, влюблённые решаются на дерзкий побег. Вблизи от жилища Керима располагались конюшни генерала Скобелева, где и сам он подрабатывал уборщиком. Солдаты-конюхи обещали там, в конюшнях, подыскать им временное убежище.

Но кто бы мог подумать, что Гульнара настолько коварна и мстительна и совсем не любит Керима, и он ей лично сам до такой степени опостылел своими вечными подглядываниями, что она решила проучить его. Она рассказала своим родственникам о лжепобеге, и они организовали для Керима засаду. Оказавшись в руках разъярённых правоверных мусульман, нарушивший законы шариата Керим был жестоко избит. Мёртвое тело его выбросили в выгребную яму. К счастью, ночью парень пришёл в сознание и, выбравшись из ямы, скрылся в Ферганских горах. Он знал, что его разыскивают, и если найдут, то без всякого сожаления убьют.

Даже в казахских степях он не чувствовал себя в безопасности, потому что казахи недолюбливают узбеков и часто захватывают их в рабство. В конечном итоге он добрался до Сдесловки и, увидев, что в этих глухих местах он может в дальнейшем чувствовать себя неуязвимым и в полной безопасности, остановился здесь для дальнейшего проживания.

– Керим, ты хотя бы видел этих пришлых людей? – спросил Степан для полной ясности.

– О-о-о! Многочтимый учитель, однако, мне не удалось их увидеть. Они раньше меня скрылись в кустах.

Услышав это, Степан, не раздумывая, забежал наперёд толпе и, подняв руку, закричал так громко, что люди моментально затихли и остановились, уставившись на него с непонимающим недоумением и некоторым даже любопытством:

– Граждане, внимание! Послушайте меня. Возможно, вы не понимаете своих действий, так я вам сейчас разъясню! Не допускайте самоуправства над провинившимся товарищем. Эти ваши действия называются «самосудом», и они, к вашему удивлению, подпадают под уголовную статью. В старину, возможно, и сошло это вам с рук. Но учтите, Новая Советская власть вас за беззаконие по головке не погладит, обязательно привлечёт к ответственности. Весьма возможно, что Сучкин Семён вовсе и не виноват в воровстве злосчастной козы и является козлом отпущения. По всей вероятности, подлинные виновники ускользнули от вас. В этом деле нужно разобраться. За это не только вы, зачинщики, но и все участники могут быть осуждены на длительные сроки и будут сидеть как миленькие в тюрьме! Даже за то, что шли рядом, станут соучастниками преступления. Отведите этого человека в сельсовет и сдайте органам, с него взыщут, если признают его виновным.

После этого предостережения Степана люди словно очнулись от непонятного, будто навеянного кем-то, дурманящего колдовства, стали виновато оглядываться и незаметно отходить в стороны. Возможно, виной тому было раннее утро, а может, и иные причины, например, дремучее невежество, или тяга к общности, или желание быть причастным к чему-то необыкновенному и, по их разумению, значимому. Толпа заметно поредела. Возле привязанного к колу за вытянутые руки вора остался хозяин съеденной пролетариями козы – Митяй и его братья, в нерешительности переминающиеся с ноги на ногу.

– Ты нам не указ, он украл, вот нехай и ответит! – зло прокричал сиплым голосом организатор представления.

– Дядя Митяй, пойми меня правильно, отвечать он будет только перед законом, в противном случае его отпустят, а тебя посадят. Вот если хочешь, чтобы он ответил, поступай, как я тебе сказал, иначе сам окажешься на скамье подсудимых вместо него. Вы все посмотрите на этого несчастного, что вы с ним сделали? Он уже сейчас не жилец. Я лично не дам никакой гарантии, что он выживет. Уже за это вы будете привлечены. Тем более ты, дядя Митяй, сам знаешь, кто он такой.

– Я-то знаю, да и все в округе знают – голодранец, вор и первостатейный лодырь, – возмутился с готовностью Митяй.

– Нет, ты ошибаешься, он активист-революционер, к тому же подлинный пролетарий. Сейчас такие люди обладают поддержкой и почётом властей. Так что и в выражениях ты поостерегись!

– Житья от них нет, от этих пролетаев. Работать не хотят, а мясо жрать горазды, и управы на них нет ни с какой стороны! Последнюю животину сожрали, детей без молока оставили, бессовестные, дармоеды! Что теперь делать – ума не приложу, хоть побираться иди или в петлю лезь! Картоху теперь забелить нечем будет!

– А может, он и не ел этого мяса, посмотри, зубов-то у него во рту всего два клыка торчат, остальные сгнили от недоедания! – заметил кто-то из толпы, образовавшейся уже по сторонам дороги.

– Наверно, не жуя глотал, как собака...

– Не!!! Не говори так, собака мясо рвёт клыками. Лучше... уж,... как его там... змей – удав. Во – допёр!

Все дружно засмеялись, но обстановка и эта кровавая угнетающая картина расправы моментально погасили этот настрой лёгкости и веселья на явно противоположный.

Никем не управляемая процессия остановилась и стояла неопределённое время в замешательстве, как раз возле хаты Степана, которая расплзлась коровьей лепёшкой, догнывая свой век, почти на самом краю деревни Сдесловка.

Без вмешательства зодчего деревня живописно вписалась по извилистым берегам речки под чудным названием Поссорь и существовала здесь испокон веков. Прославленные предки ныне живущих сдесловцев, построив первоначально крепости в Трубчевске и Плюскове, задолго до Москвы, и далее, расселились всё дальше и глубже по поймам притоков Десны от самого Киева.

Люди понуро с озадаченным видом стояли, запрудив улицу, думая каждый о своей причастности, оценивая свою вину в этом неприглядном деле, ведь ещё неизвестно, как повернутся события, затаскают ведь ни за что. И не докажешь, что ты безгрешен и ни вражина народа, раз издевался над пролетариями, значит, виновен, хотя и сам гол как сокол и не менее пролетарий этого пролетария.

Постояв таким образом, люди окончательно пришли в себя, вспомнив вдруг про свои дела, суетливо, с какой-то неловкостью разошлись, будто растаяли в утренней полумгле, а братья Митяя, немного поразмыслив, развернулись в противоположную сторону и с большой неохотой потащили вора по направлению сельсовета.

Утренняя рань вновь погрузилась в дремотную предрассветную тишину. Оставшись один, Степан с тоской проводил взглядом удаляющиеся вдаль улицы фигуры, потянулся, сладко зевнул и медленно побрёл досыпать.

Солнце ещё не взошло; оно вот-вот должно появиться на чистом золотистом горизонте, предвещая людям благодатную погоду. Эти последние минуты перед восходом были самые сладостные для отдыха молодого организма, пропустить их было бы непростительным грехом. Они наполняют организм силой бодрости и энергией на целый день; об этом Стёпка знал каким-то интуитивным внутренним чутьём, заложенным от природы, поэтому ему всегда удавалось соблюдать и не нарушать своих устоявшихся привычных традиций.

Степан, тихо ступая по размягчённой ночной влажностью земле, постепенно отключался от действительности, погружая сознание в дремотное состояние с таким расчётом, что когда он упадёт в своё логово, то мгновенно уснёт, не теряя времени.

Неожиданно до его чуткого слуха долетел невнятный говор. Он доносился из-за забора огорода. Юноша затаился, боясь шелохнуться, стоя на одной ноге. Напрягая слух до звона в ушах, Стёпа отчётливо услышал еле чуемый разговор. О чём шла речь, он не понимал, но то, что диалог проистекал, ему не мерещилось. Учитель бесшумно, как кошка, подкрался к самому забору и, спрятавшись там за разросшейся малиной, прислушался. Даже дыхание он умерил настолько, что стало отчётливо слышно биение собственного сердца.

– Мужичё, всполошили всю деревню! – зло сдавленным голосом проговорил первый. – Нужно выбираться из этого клоповника, и как можно быстрее.

– Да им сейчас не до нас, – услышал Степан басок второго собеседника.

– А ты не говори, слышал, что этот сопляк-учитель заливал? Всю малину мне испортил. Я специально подставил Сучкина, а этот полудурок Митяй клюнул. Всё так хорошо начиналось! Распяли бы Сучкина, на нас бы никто и не подумал.

– А теперь они всем скопом могут броситься нас разыскивать. Бери мясо и шевели булками, пока есть время до восхода солнца

По ту сторону забора торопливо вскочили два человека и бросились в сторону леса, не разбирая дороги. Степан разогнулся и некоторое время стоял в нерешительности, не зная что делать. Голоса говоривших людей по ту сторону забора ему были незнакомы. В следующее мгновение он встрепелся и заорал что есть мочи во всю глотку:

– Братцы! Окружай их, вот где они прячутся.

На крик выскочили Стёпкины родители и соседи, да где там, воров уже и след простыл. Стёпа торопливо рассказал о случившемся происшествии и попросил совета у отца, как поступить ему в этом деле и защитить невинного человека. На это Анисим Миронович, отец Степана, однозначно заявил:

– Сходи, сынок, нынче же в сельсовет и заяви там своё мнение, так, мол, и так, я сам слышал и видел, и подробно опиши людей, которые украли у Митяя козу.

Дело оказалось не таким уж и простым. Почти целый день ждали приезда следователя из райцентра. Пока разбирались, шло время. Степан сыграл немаловажную роль в освобождении Семёна Сучкина. А на замечание, кто дал право бить его и так жестоко издеваться, следователь ответил:

– Мясо ел? Ел. Так чего же теперь возмущаться? Не трогай чужого – и будешь цел, и морда будет без синяков! Правильно я говорю? Правильно! Отрицать не станете, и я тоже.

По всему было видно, что следователь имел туманное представление о праве, но мандат у него был подлинный, а следовательно, и самомнение не фальшивое. Слава господу, но Сучкина выпустили всё-таки на свободу. После этого он долго болел, не мог работать, на ногах все суставы были перебиты и, как результат, – где-то к годовщине Октябрьской революции он скончался. Хвала Всевышнему, хоть тут не подкачал!

С тех самых пор, не знаю уж, что повлияло на Степана, но появилась в его характере нотка осторожности. Стал он, как-то неосознанно, закрывать за собой дверь внутренней задвижкой. И на ночь, вполне осознанно, он втыкал в сено рядом с собой на всякий случай металлические вилы. Помимо прочего, после случившегося теперь у него в привычку вошло просыпаться на зорьке и, сходяв в туалет, посидеть возле открытой двери фронтона сарая, свесив босые ноги, всматриваясь и вслушиваясь в шорохи и посторонние звуки ночи. В таком положении он сидел минут пять, а может, иногда и больше, пока сон не одолевал его, и кожа не покрывалась мурашками от утренней прохлады. Тогда он забирался под тулуп и начинал сладко зевать с закрытыми глазами.

Погружаясь в дрему, Степан, как в бреду, слышал затухающий лай потревоженных собак, гогот гусей, выгоняемых хозяйкой на луг, голосистое пение петуха или отрывистое мычание чьей-то коровы. Время неумолимо двигало круговорот событий, предначертанных расписанием самой природой. Жизнь неторопливо входила в русло привычных занятий её обитателей с наступлением дня. Всё преображалось, приходило в слаженные движения и вроде имело смысл необходимости этих действий.

Только животворящее Солнце, властительница всего сущего на земле, – заполняло собой мир, освещая и согревая всех и вся одинаково щедро.

Сквозь сладкий сон услышал Степан топот деревенского стада где-то на середине деревни, выгоняемого пастухом Курносиком на выпас в специально отведённые места для этой цели.

– Куда, стерва! Я вот тебя сейчас проучу! – то и дело кричал он звонким голосом.

Этими громкими окриками он, как бы загодя, оповещал о пробуждении заспавшихся молодых хозяек. Мол, пора, соня, выгонять из стойла свою бурёнку. Нынче подоить уж не успеешь!

Его длинный кнут, как змея, кольцом стремительно уходил в сторону нарушительницы порядка в стаде и с громким хлопком, напоминающим выстрел из револьвера, обрушивался на её круп.

– Ну что, больно? Вот то-то и оно-то! А ты на что надеялась, обгаженная скотина, думала, мы всем стадом ждать тебя будем, пока ты утробу свою набиваешь?

Удар был, наверно, болезненный, потому что бедная корова выгибалась от боли и, придя немного в себя, стремглав убежала в стадо. Даже свирепый семенной бык Чавус, и тот боялся этого чёртова кнута. Курносик обладал ещё одним средством и нападения, и защиты, и для отпугивания, как воров, так и диких зверей, способных утащить мелкое животное. Это палица, изготовленная им собственными руками между делом из стволика молодого дубка с корневым наростом на конце, величиной с добрый кулак из которого выглядывали шипы – плохо обработанные более мелкие корни. Ручка этой палицы блестела на солнце, словно отполированная лаком.

Это от долгого пользования. Руки у пастуха были шершавыми, как наждачный брусок. Его неухоженный растрёпанный внешний вид, отражался на его растрёпанных чувствах. Он говорил всё, без всякого стеснения всем, что приходило ему в голову. Ни кто не обращал на него внимания, и почти не вникал в сказанное. Что возьмёшь с пастуха? С обязанностями своими он справляется хорошо, потерь скота нет, ну, и ладно.

Этот топот и покрикивания пастуха, служили Степану ежедневным сигналом для подъёма ото сна и началу выполнения им определённых работ по ведению домашнего хозяйства предназначенных только ему.

После пробуждения Стёпа решительно выскочил из-под тулупа, и его тело окутала приятная прохлада утренней свежести. Он немного размялся и шагнул к выходу. Пред ним простирался величественный гимн человеку! Возшедшее огромное трепещущее живое солнце,

необъятное лазоревое небо и залитая золотом земля. Он стоял и захлёбывался восторгом этого величия, созданного природой, и чувствовал себя богом, повелевающим всем этим. Его внутренний мир наполнялся могуществом невидимых волшебных сил дающих право независимо дышать той свободой, подаренной людям создателем. Прокладывать себе путь в жизни, пользуясь своей целеустремлённостью – в том и предназначение молодости.

Рядом с дорогой, по которой прошло деревенское стадо, на небольшой возвышенности, у кремнистого обрыва в речку, стояла старая вросшая глубоко в землю замшелая хата Анисима, отца Степана. Она была облеплена со всех сторон амбарами, сараями и другими небольшими пристройками для хозяйственных нужд. Этот возвышающийся рукотворный холм напоминал своими очертаниями давно заброшенный, поросший травами гигантский муравейник.

Терпкий, давно устоявшийся запах навоза вблизи скотных построек сопровождал людей повсюду и постоянно; рой потревоженных мух поднимался от каждого резкого движения; всё это являлось нормой для жителей, и никто на это не обращал абсолютно никакого внимания. Отсюда произрастали болезни, невероятная детская смертность, быстрая старость и невежество.

По обеим сторонам речушки простиралось болото, зажатое пологими берегами, на которых и раскинулась деревня Сдесловка. Летом болото подсыхало, а речка мелела, превращаясь в заиленное месиво болотной грязи, покрытой густым слоем жёлто-зелёной ряски, кишашей лягушнёй всяких размеров и возрастов.

С утра до вечера там вышагивают длинноногие черногузы, привольно живущие на липах возле домов любителей этой экзотики. Они прилетают сюда ежегодно, с завидным постоянством, селятся на своих старых гнёздах, каждый раз заботливо и с любовью поправляя их, и, отложив яйца, высиживают потомство, забавляя хозяев усадьбы своим дружелюбием и независимым укладом существования.

Издавая свои заунывные крики, осенью птицы собираются в стаи. Прежде чем улететь на юг, они долго кружатся над своим домом. Непонятно, с какой целью это они делают, прощаются или запоминают место, куда будущей весной собираются вновь возвращаться.

После обеда того же дня, когда солнце склонялось к горизонту, хозяин целого клана Долов возвращался домой, спускаясь по тропинке в обход болота. Запах торфяных испарений неприятно проникал в лёгкие, вызывая удушье и кашель, на что очень остро реагировал старец и старался держаться дальше от этого гиблого места.

Задушевная переключка лягушек, стрекот кузнечиков заглушали все звучания в округе, настраивая мысль человека на благочестивое мироустройство. Жители так привыкли к этим монотонным симфониям, что даже считают их своим законным достоянием, они им даже нравятся. Бывают случаи, когда наступает глубокая тишина, звуки умолкают, тогда люди в тревоге начинают оглядываться по сторонам, с суеверным трепетом гадать, к чему бы это и что после этого может произойти?

Погружённый в свои мысли, старый Анисим, отец Степана, возвращался домой, погостив у сына Ивана. Неожиданно услышал он жалобное мычание коровы из травянистых зарослей болота. Анисим, не раздумывая, в состоянии беспокойства, устремился к месту, откуда отчётливо доносился непрерывный, тревожный зов животного.

Помочь попавшему в беду человеку ли, животному ли, являлось первой заповедью, заложенной с детства в натуре старика. Он был хоть и стар годами и дряхл телом, но в голове у него, как и прежде, процветал молодеющий ум. Поэтому каждое свершённое им доброе дело, по его глубокому убеждению, зачитывалось где-то, облагораживало и его и окружающих. О своей грешной душе с приближением старости он постоянно заботился с гораздо пущим усердием, чем в былые времена. Самым серьёзным образом он с благоговением задумывался о встрече с Творцом, сопоставляя каждый свой шаг по земле с заповедями Господними.

Метрах в двадцати на зелёном зыбучем ковре Анисим увидел корову, ушедшую наполовину в вязкую жижу. Видно, болото у самого берега в этом месте было не столь глубоким. Жаркая пора августа засушила верхнюю корку под травяной массой зелени, превратив её в плотный панцирь, сквозь который ноги животного всё-таки провалились, а в результате борьбы за жизнь корова взбаламутила эту корку и провалилась всем телом по самую шею. Илистая грязь засохла её так прочно, что самостоятельно она не могла сдвинуться с места, как ни старалась.

Сколько времени корова боролась за свою жизнь неизвестно, но почувствовав скорую гибель, она стала звать громким мычанием людей на выручку. Подбежавший Анисим, оценив обстановку, понял, что одному ему помочь бедному животному не удастся; поэтому он поторопился призвать ближайших соседей всем миром спасти тонущую скотину из этой смертельной беды.

Первым прибежал сын Анисима Иван со своей женой. Следом примчались сюда вездесущие дети, увидев тонущую корову, с криками о помощи разбежались, оповещая звонкими голосами жителей ближайших хат.

На спасение, как по тревоге, сбегалась немалая группа взрослых мужчин и женщин в сопровождении многоголосой детворы. Так как такие случаи были, по всей очевидности, не единичными, то у каждого при себе имелись различные средства спасения: доски, верёвки и даже лестницы.

С криками и подбадриваниями друг друга люди деловито обложили животное досками, приступили к спасению утопающей скотины. В то время когда одни поддерживали корову за рога и хвост на поверхности, приподнимая её, другие подсовывали под её брюхо верёвки и доски типа рычагов.

Громкие возгласы, споры, советы, подбадривания, отчаянные восклицания по поводу неумения правильно сделать что-то или одобрения раздавались с места спасения, привлекая всё большее число желающих оказать посильную помощь.

Обессиленная вконец корова, измазанная полностью иловой грязью и тиной, тарачила испуганные глаза, истошно мычала на всю округу.

В конце концов, ослабевшую животину, приложив общее усердие, спасатели вырвали из болотного плена. Бедняга, увешенная присосавшимися крупными пиявками, набухшими от крови животного, отошла на несколько метров от гиблого места, улеглась на траву, дрожа всем телом, косясь на спасителей широко открытыми глазами, всем своим видом будто благодарила вызволивших её людей за спасение.

– Братцы, с хвостом у бурёнки что-то неладно, – заметил Анисим Миронович.

– Хорошо, что висит, не оторвали.

– Заживёт, а если отвалится, беды не будет. И без хвоста молоко будет давать

Только сейчас объявилась Матрёна Короткова – хозяйка коровы. Она только что узнала о беде, постигшей её скотину, прибежала, запыхавшись, вцепилась пальцами рук в свои огненно-рыжие взлохмаченные волосы, стала причитать громким голосом, как бы ища сочувствия или оправдания за причинённые хлопоты людям от её нерадивости. Говорила она, будто пропуская слова через носоглотку, поэтому речь её казалась монолитной и непонятной окружающим её людям.

– Люди добрые, спасибо вам за то, что не дали моим сироткам умереть с голоду, спасли нашу кормилицу. Чтоб мы делали, если бы это горе случилось? Хоть в болото лезь живьём вслед за бурёнкой. Господи, благодарю тебя за заботу о нас, – она торопливо крестилась, бормоча благодарственную молитву, роняя горячие слёзы. Удручённая случившимся, женщина чувствовала себя как бы виноватой перед людьми и старалась молитвами задобрить всех и вымолить тем прощение.

– Мотя, не убивайся ты так, лучше корову помой да пиявок оборви, а то они оставят тебе от коровы одни кости, завёрнутые в кожу.

– А и правду ты говоришь, кум Сазон, а мне и в голову мою чумную энтая мысль не взбрела, – часто моргая рыжими ресницами, прогундозила Мотя

Если бы Бог считал людей своими детьми, вряд ли он был так жестокосерден. Напротив, проявлял бы к людям больше милосердия и не применял непонятные карательные меры, особенно к невинным людям. Ведь все люди – это его поделки. Неужели он забыл. Трудно представить, чтобы какая-либо живая душа, созданная Творцом, так неподобающе относилась к своим чадам.

Кинематограф туда ещё не проник, и такие вот экзотические представления заменяли его крестьянам. Это было настолько зрелищное действие, заставившее жителей по прошествии времени часто вспоминать об этом.

Описав за целый день свой полуоборот по небу, солнце медленно приближалось к горизонту. А вокруг и за болотом, и за полями, куда ни кинь свой взор, наступают на тебя дремучие леса; они не имеют, кажется, ни конца и ни края. И никаких тебе границ там, в этом сказочном мире, и запретов, а воздух живой, как сама жизнь, вдохнёшь его во всю грудь – и о смерти забудешь. Человек по-настоящему в душе чувствует себя царём природы, не обременённым никаким внутренним или внешним влиянием.

Это ныне леса эти временщики бездумно и беспощадно вырубали, оставив почерневшие пни, щепки, заплатки да зарубки, а то и вовсе пустующую целину песчаной обеднённой земли, заросшей бурьяном да чертополохом. Страшно смотреть на это запустение. Никому нет дела до осиротевшей земли. Алчность отравила людские души и поселилась в них, видимо, надолго, превратив их внутреннюю суть в жутких ненасытных зверей, неведомой на нашей земле породы. И откуда они появились у нас? Об этом нужно писать отдельно, разбирая историю по частям. А землицы-то у нас неисчислимо много, а обрабатывать её, не имея средств, не дают, люди озлобились, побросали насиженные места и разъехались по городам в поисках счастливой доли. А земли осиротели и заросли без хозяина сорными травами.

Возвращаясь в те давние времена, сразу после Октябрьского переворота, многочисленная семья старого Аниса, разумеется, после естественного отбора и всех тех бед, обрушивших на крестьян, насчитывала всего восемь душ детей. Младшему из сыновей, Стёпке, как раз в тот памятный год стукнуло только восемнадцать. Хозяин семейства к тому времени уже ходил с костылём, и дом ему под стать, совсем трухляв – снизу подгнил, да так, того и гляди рухнет, похоронив под собой всех домочадцев сразу в один миг без панихиды.

Строительство этого дома начал в своей молодости ещё дед Мирон, стало быть, отец Аниса, царствие ему небесное; вот теперь эта развалюха требовала к себе постоянного внимания и немалых сил, да и что таиться, возможностей для постоянного латания дыр не хватало. Жили бедно, так бедно, что порой даже картошки не было в рационе, особенно в весеннюю пору.

Вооружённые продотряды чекистов врываются в деревню, реквизируют все запасы продовольствия подчистую и увозили в город, не обращая внимания на наличие малолетних детей в семьях, больных стариков и инвалидов. Казалось, что это иноземные варвары, в них не было ни капли человеческого благоразумия и сострадания. Голод морил людей, которые не понимали, что роль русского народа состояла в жертвенности во имя планетарной марксистской идеи – совершить Великую Мировую Революцию!

Несмотря на грабежи и возмутительные бесчинства властей, дети Анисима выросли. По мере женитьбы старших сыновей, выдачи замуж дочерей хозяин становился дряхлее и слабее здоровьем, хотя крепился, не подавая вида. Жизнь постепенно налаживалась, особенно после того, как новая власть наконец-то предоставила крестьянину наделы земли.

Уходили к своим мужьям дочери Анисима со своим незатейливым приданным; отселялись в удел сыновья со своими детьми и жёнами, увозя свои амбары. С помощью родичей

в дальнейшем они заново строились, расширяясь на новых необжитых земельных наделах, выделенных новой советской властью, с радостью становясь полновластными хозяевами. Отселялись они недалеко, стараясь строиться как можно ближе к родительскому дому, составляя в деревне как бы отдельный клан.

Таким вот образом, вся деревня была поделена незримыми границами на кланы: Удельщина, Козиловка, Долю, Козинка, Филины, Демиды и Дубровка. Всё это являлось отголоском общинно-родового строя, идущего из глубин веков, цементируя и объединяя взаимосвязь между людьми каждого рода, чтобы чувствовать локоть близкого человека в беде, труде и радости.

Но новое время шло в противовес тем устоям, сложившимся задолго до этой поры, советская власть, наоборот, старалась каждого человека сделать преданным государству гражданином и разорвать эту порочную сплочённость, потому что так легче управлять этой бессловесной разобщённой человеческой массой. А тем, кто ещё не утратил бунтарский дух неповиновения, были приготовлены воспитательные лагеря на возведении великих пролетарских стройках социализма.

После обеда, облизав ложку, Анисим Миронович встал из-за стола и, поблагодарив Господа Бога за хлеб-соль, отбивая положенные кресты и поклоны, стоя перед иконами, сразу же заявил:

– Детки мои, Данилка и Степашка! Завтра прямо с утра займёмся заготовкой дров на зиму, откладывать больше некуда. Сейчас самое подходящее время.

– А вдруг погода не позволит? – съязвил Данилка.

– Ну, не позволит, перенесём на другой день! – отпарировал отец, так как отроду понимал шутки и приветствовал их в разговоре.

На другой день, позавтракав, прихватив с собой запас питьевой воды, свежий огурец с ломтём хлеба и топоры, братья отправились в лес. Место, где вырубался лес на дрова всей деревней, было в километре пешего хода. Под вырубку отводился участок леса более чем в 200 гектаров на общем сходе. Никаких ограничений для членов общины не было. Крупных деревьев на участке уже не осталось, их вырубали, оставались быстро растущие берёзы и осины. Хвойные долго растут и не успевают даже стать молодыми, как их тут же срубают. Когда участок становится непродуктивным, ему дают время отдохнуть, а вырубку переносят на другой участок, на котором деревья несколько лет росли и превратились в полноценный лес. Подходя к лесу, братья заспорили относительно места начала работы.

Даниил, на правах старшего брата, всячески подавлял инициативу Степана. Он же не вступал в полемику и если чувствовал, что прав, делал по велению своего разума.

– Давай пройдем вглубь участка и окончательно утвердимся, где начинать работать, – предложил Степан.

– Вот так думают и все остальные и лезут дальше от края, откуда, кстати, трудно будет вывезти дрова. А на краю, смотри, крупняк стоит.

– Ладно, брат, соглашайся, посмотрим, что там дальше, на будущее. Мы ведь не один день здесь работать собираемся.

Даниил, сдерживая своё негодование, побрёл следом за младшим братом. Разница в возрасте у братьев была всего два года. В отличие от Степана, Даниил, имея образование всего в один класс, слыл человеком рассудительным, осторожным, хозяйственным и довольно хитрым.

Таким образом, прошли они молча метров восемьсот и сразу остановились, почувствовав острый запах дыма, смешанный с палёным мясом. Кто не знает, какой опасности подвергается лес от подобных шалостей с огнём. Определив место, братья поторопились в том направлении и вскоре стали свидетелями живописного полотна.

Расположившись в неглубокой лесной впадине с крошечным озерком в центре её, напоминающей кратер мелкого метеорита, сидели два незнакомых им мужика перед слабо дымящим костерком. Вся впадина была покрыта ковром душистых сочных трав и лесных цветов, переплетённых лианами жёсткой тёмно-зелёной дерезы. Они жарили мясо, нанизанное большими кусками на деревянный шампур, лежащий на двух воткнутых развилках. Нарушение пожарной безопасности явно отсутствовало. Придаться не к чему.

Сидящие люди у костра, чувствовалось, знатоки своего дела; они были крайне расслаблены и поглощены своим делом и всё своё внимание обращали на приготовление завтрака. Сбоку костра висел котелок с водой для приготовления чая. Рядом на недавно сорванных крупных листьях лежала приличная горка уже обжаренного мяса. Напрашивался вопрос: кто эти люди?

– Это воры, укравшие у Митяя козу, – шепнул Степан брату.

– Я так и подумал, готовятся в дорогу.

– Что будем делать? – спросил тихо Стёпа.

– Беречь свои головы и улелётывать отселева, пока живы, и как можно дальше.

– Ты что – испугался?

– Нет, с чего ты взял?

– Перед нами преступники. Скольких людей они ещё ограбят, а может, и лишат жизни.

– Зато мы с тобой, дурень, останемся живы! Не наше это дело, – начал злиться Данилка.

– Ты как хочешь, а я задержу их!

Степан положил свою котомку на землю, вскинул топор на плечо и решительно направился к костру. Он так внезапно навис над разбойниками, что от неожиданности те растерялись и, выпучив глаза, смотрели на Степана, как зачарованные привидением.

Опомнившись, один из бандитов промолвил:

– Это ты, учитель? Хи-хи-хи. Как раз вовремя подоспел к завтраку. Садись, угощайся! – Он наклонился, якобы предлагая место, сам же, как сжатая пружина, бросился в ноги Степана, пытаясь опрокинуть его. Но Стёпа молниеносно отскочил в сторону и, слегка опустил обух своего топора на крестец вора. Бандит ойкнул и с воплями покатился по земле, хватаясь руками за позвоночник.

В это время второй бандит успел вскочить на ноги и с финкой в руке отчаянно, с жутким воплем бросился на Степана. Юноша, к счастью, вовремя заметил этот выпад и, умело перехватив запястье вора, ловко выкрутил его, от чего финка выпала, а рука в болевом приёме оказалась за спиной нападающего.

– Больно... отпусти... сдаюсь!!! – кричал тот болезненным голосом.

В тот момент, когда дело было закончено, он увидел, как Данилка быстро подбежал к стонущему первому бандиту и стал решительным образом скручивать ему руки за спину. Стёпка не обиделся на брата, напротив, был даже рад, что тот не впутался в драку и дал ему полную свободу разделаться с бандитами, не думая в это время о безопасности Даниила.

Старший брат был поражён той ловкостью, с какой Степан справился с вооружёнными бандитами. Он, конечно, был осведомлён о той возне, которую затевал старший брат Григорий, служивший ранее в разведке при царе, в свободное время вместе со Степаном. Но никак не предполагал, что Степан достигнет таких успехов в вольной русской борьбе.

Связав бандитов по рукам, Данила для перестраховки привязал их к дереву и, подойдя к костру, громко высказался:

– Дерётесь вы, прямо скажу, как бабы, господа жулики. Посмотрим сейчас, как вы готовите.

Он взял из кучи, лежавшей на листьях, аппетитный поджаристый кусок с косточкой граммов на двести и, откусив небольшой кусочек, стал жевать.

– Мясо жёсткое, явно козье, не отбитое, без специй и к тому же малосолёное. Короче, подлецы, каковы драчуны, таковы и спецы!

– Даниил, вертел поверни, а то мясо сгорит, – подсказал Степан.

– Ты прав, братан, оно уже стало обугливаться.

С этими словами он приглушил водой костёр и повернул шампур.

– Нужно обязательно обыскать бандюг и отвести их в сельсовет, – предложил Степан.

– Сейчас я это сделаю, – обрадовался Даниил.

Но в карманах у них, к сожалению, ничего не было. Выше на пригорке Данилка заметил скрытый шалаш, изготовленный из молодых срубленных берёзок, в котором, вероятно, отдыхали воры, там, возможно, были дополнительные улики. Даниил сделал вид, что не заметил шалаша, и промолчал. Через минуту он предложил Степану:

– Ты веди бандитов в сельсовет, а я останусь заготавливать дрова. Боюсь, мы получим с тобой взбучку. К полднику приедет папаша за дровами, а грузить нечего.

– Ладно, я согласен на ничью, – пошутил Стёпа.

Он отвязал пленников от дерева, взял шампур с мясом, финки в качестве вещественного доказательства и приказал идти вперёд, туда, куда он укажет. Процессия тронулась, но у бандита, который получил лёгкий удар обухом топора по крестцу, нога болела, и он продвигался с трудом, сильно хромал, издавая матерную брань при каждом шаге. Видя такую неурядицу, Степан приказал больному вору опираться на здорового бандита. Дело поправилось в лучшую сторону, а вскоре и вообще выправилось. Мнимый больной перестал хныкать, а потом и вовсе без поддержки шёл, не хромя. Видимо, симулировал, надеялся на какую-либо оплошность Степана, чтобы удрать.

В сельсовете пришлось задержаться до самого вечера. Хорошо, что следователь не успел укатить в город. Здесь у него оставалась какая-то мелкая тяжба между крестьянами, и они спаивали его, переманивая каждый на свою сторону. Следователь, правда, пил мало, тогда они выкатили дальнюю артиллерию – познакомили его с молодой вдовушкой. Вот она, по совети сказать, не поддерживала ни одну из сторон, но свой интерес блюла с честью. Следователь обещал рассмотреть её кандидатуру на должность домашней секретарши. Интересно бы посмотреть, каким образом он избавится от той, которая находится дома в его квартире. Но это, в принципе, не относится к делу Стёпки. Он уже начинает задумывать в будущем, в виду своей неудовлетворённости работой фемиды, иметь как можно меньше с ней отношений. Будет спокойней и безопасней.

Увидев перед своими очами учителя, следователь быстро заморгал своими непонятно какими глазами, больше бесцветными, и, помолчав, спросил:

– А ты Долин? Кажется, так твоя фамилия? Правильно я говорю? Правильно. Что на этот раз тебя принесло ко мне? Какие фортеля раскопал на сей раз?

– Ваша фамилия, если не изменяет мне память, Пацаев? Спиридон Спиридонович, я не ошибся? – вместо ответа задал свой нелепый вопрос Степан, подражая следователю. – Так вот, уважаемый Спиридон Спиридонович, я доставил вам подлинных воров, пойманных мной лично, укравших козу у Лупызина Митяя, вернее Дмитрия. А это вот вам и вещественные доказательства – финки и мясо козы. Прошу вас, многоуважаемый Спиридон Спиридонович, составить протокол и отпустить меня домой...

Как только Степан удалился на значительное расстояние, Даниил по-хозяйски сложил оставшееся жареное мясо в сумку и быстрым шагом, почти бегом направился в сторону шалаша. Отверстие в шалаш было очень узким, пришлось пролазить на четвереньках. С минуту глаза привыкали к полумраку. Наконец, его взору предстало убранство этого убогого убежища. На земляном полу лежали мелкие еловые и сосновые ветки. Сверху они были укрыты толстым слоем сухого сена, на котором лежали четыре шерстяных совершенно новых одеяла. В головах валялись рюкзаки, набитые соломой. У Даниила голова поплыла кругами

при виде такого богатства. Что-то мерзкое, низменное медленно рождалось в его голове. Всё это должно принадлежать ему одному. Он напрочь забыл, что он трусил, и только благодаря Степану всё это попало к нему в руки. Данилка стал лихорадочно искать причину, по которой он имел право обладать имуществом бандитов. И он нашёл-таки эту самую триклятую причину. Она заключалась в том, что Степан никогда не возьмёт чужого для себя лично, но обязательно сдаст или в сельсовет, или в милицию. А там сплошное жульё, моментально всё оприходуют в пользу нуждающимся детям Германии. Или хуже, индусам, но только не своим. Свои крепкие, закалённые и сильные, как дети, так и взрослые. О стариках и говорить нечего. Они стальные, эти старичьё, особенно двужильные старухи. Ей бы пора и на отдых, а она, смотришь, волокёт какую-то поклажу своим вороньятам, а сама еле передвигает ноги. Они не привыкли к роскоши и даже не знают о её существовании. Таких бы людей в Англии королева в музеях держала, а у нас на них пашут, оттого мы и сильны.

В дореволюционной России люди, особенно в деревнях, долго не задерживались на этом свете, жили мало, редко кто из крестьян дотягивал до пятидесяти годков. Уже в сорок лет мужик обрастал шерстью и выглядел немощным дремучим старцем. Тяжёлый всепоглощающий труд, эпидемии, болезни, повседневные тяготы и лишения, вековая бедность, нищета и антисанитария исподволь подтачивали здоровье землепашца – всё это незаметно, но неуклонно заканчивалось смертью в столь молодом возрасте. Их жизнь представлялась им в их же сознании неприметной и запрограммированной по одному сценарию с самого рождения: жить смиренно, по заповедям церкви, и безропотно, тихой поступью, покоряясь судьбинушке своей, двигаться под сень Всевышнего...

Поэтому сменялось людское поколение безсуетно, незаметно, как вода в тихо текущей реке. И только в покорных душах они уповали на Божью милость, а духовенство между тем цвело и разползалось по империи, как раковая опухоль.

Это уже замечено, что чем хуже живётся народу, тем пышнее расцветает религия и милитаризация страны. Военные срочно выискивают врага, берут власть в свои руки и приводят страну к разорению или даже, в худшем варианте, к уничтожению.

С приходом советской власти уклад и благосостояние крестьянства не улучшились, да и быт тоже, поэтому резких изменений в лучшую сторону народ не почувствовал. Правда, грабёж мужика стал очевидней и наглей.

При царизме терпение крестьянина теплилось на пределе, но тяжкий повседневный труд и богобоязненность заглушали даже мысль облегчить свою обездоленную участь, да они, в принципе, и не знали, что жить можно по-другому. Только безвыходное отчаяние вынуждало иногда устраивать бунты непокорности отдельным угнетателям. А так, терпели и прощали. Вздыхая, крестили лбы и с тупым остервенением впрягались всё в то же ярмо.

И жили бы они, и дальше продолжали терпеть, не ведая своих тайных бед, если бы на их головы не свалились просветители-гуманисты, приехавшие из-за кордона революционеры-утописты да доморощенные смутьяны-бездельники. И давай расшатывать устои первобытно-общинного строя, так умело веками поддерживаемые царскими феодалами и духовенством.

И вот на тебе – распахнули мужичонку глазёнки, рассказали байки о заморских чудесах свободы, равенства и братства, бунтах да погромах невиданных за краями империи. Открыли правду-матку мужику – и получайте по зубам да по мордам. Эти у нас скоры на расправу, зальют глаза сивухой и лезут напролом, не разбираясь ни дороги, ни тревоги.

Вот вам и уроки. Говорили ведь ушлые люди, держи быдло в невежестве и страхе и будешь сыт и богат. Так нет же, совесть их замучила – сами, мол, в масле катаемся, обжираться, а народ с голоду пухнет. А что с этим народом сдеится, сдохнет один – два народится – проблема решена сполна.

Война с германцем тоже подлила в пылающий сердечный костёр недовольства, пошла и завертелась тогда великая смута по матушке Руси; с топором да полыменем – под корень вырубали династии вековых угнетателей. Сколько кровушки пролилось на святую землю матушку, не сосчитать и не измерить никакими мерами!

Анисим сам был участником этих грабежей и погромов и очень даже хорошо помнит те события двухлетней давности. Даже самовар из помещичьей усадьбы, появившийся в доме с тех самых пор, глядя на который, он крестился, потому что начищенный женщинами, сверкающий пламенем вид его вызывал негодование от укора за те неблагоприятные совестливого христианина дела.

Время было такое, люди словно сдурели, лозунги призывали покончить раз и навсегда с вековыми поработителями и угнетателями. Эйфория прошла, и рассудок вернул сознание к действительности, и на поверку всплыло то, что противоречило совести и укладу жизни, и таилось в глубине души, и должно было предостерегать.

Вначале было очевидным – социальные и бытовые перемены, обещанные большевиками народу, являлись радужными и сулили ему процветание и благоденствие. Но народные массы были обмануты, по прошествии нескольких лет всё поменялось в худшую сторону: коллективизация, раскулачивание, репрессии, грабежи. И всё это продолжалось на протяжении всей истории советского строя в России, что и послужило отторжением народных масс от непродуманного верхним эшеленом власти коммунистического курса, идея которого, кстати сказать, была великолепно задумана утопистами многих стран задолго до Октябрьских событий.

Спустя семьдесят лет, когда в очередной раз произошёл государственный переворот, к власти пришли демагоги, так называемые демократы. В основной массе это были евреи, целью которых было личное обогащение – раздел природных ресурсов страны.

Соблазн лёгкой наживы возобладал над их разумом. В очередной раз народ был нещадно ограблен и обездолен. Богатейшая страна со свобододолюбивым гордым народом была обескровлена и раздавлена, впала в глубокую депрессию.

Воспользовавшись этим, новоиспечённые нувориши, грабанув неразумный народец, воспитанный кровью поколений в духе патриотизма, стали умнее, учли опыт своих предшественников; детишек своих отправили за границу вместе с награбленным капиталом и оттуда продолжают качать добро, нажитое русским трудовым народом. Их там, за кордоном, не достать – кукиш вам с маслом, дуракам необразованным – в плане экономики и финансов и слишком доверчивым остолопам – в плане человеколюбия и русской доброты.

Все эти отступления в экскурс будущего увели нас от тех далёких событий, разворачивающихся в нашем повествовании в начале двадцатого века, ради которых мы приступили к диалогу о жизни наших героев.

Степан, сын Анисима Мироновича Долина, подросток, возмужал и уже в свои юношеские годы отличался физической силой, живым и пытливым умом, благородной осанкой и рассудительностью. Размышляя над закономерностью природы, его любопытство обогащало его опыт, и мудрость становилась очевидней. Его внешность не поддавалась описанию, парень был красив и лицом, и телосложением, и обаянием. Казалось бы, откуда всему этому взяться? Беспросветная грязь, невежество, суеверие и вши. Выкидыш судьбы. Какой-то парадокс, не иначе. По-другому этот феномен не объяснить.

Все девки, да и молодые женщины, не только в нашей деревне, но и во всей округе, где он бывал, млели, увидев его. Его это не заботило, он будто не замечал этого, не придавал своим внешним данным никакого значения. Вообще, создавалось впечатление, что он не знал о своих качественных особенностях и даже страдал от того, что на него смотрят оценивающими глазами, боясь уронить собственное достоинство ввиду такого внимания. На самом деле, так оно и было.

Отец младшего своего сына Стёпки имел возможность дать ему только три класса образования церковно-приходской школы. И то, с большим трудом, настолько были они бедны. Нужно заметить, это ничтожное образование не то чтобы превозносило его над основной массой неграмотного населения деревни и даже не выделило бы его среди сверстников, получивших те же знания и в той же среде, если бы не вмешательство в дело его природных данных. Только благодаря им, его любопытству и упорству, он сумел самостоятельно развить культуру поведения, свой интеллект, в результате чего выиграл конкурс на вакансию учителя в школе ликбеза. Работа в школе для него была светлым праздником; он учил легко, с большим усердием и радостью, заражая учеников уверенностью и оптимизмом, витавшем в атмосфере того времени.

В школе по вечерам после трудового дня крестьяне, самая сознательная часть населения деревни, училась разбирать буквы и складывать из них слова. Выполняя программу партии по ликвидации поголовной неграмотности в стране победившего социализма, крестьяне бросились сломя голову, отмыв навоз от огрубелых рук, выполнять эту грандиознейшую идею, вместо того чтобы сеять и убирать хлеба. Что из этого получилось, всем известно – ни хлеба, ни знаний. Продналог, продразвёрстки, аресты, расстрелы, репрессии.

Но несмотря на это, битва неграмотных с неграмотностью вышла один на один на поле брани. Некоторые из пролетариев, не обнаружив в себе задатков математических или гуманитарных склонностей, покидали ряды первопроходцев, унося в своей просвещённой головушке знание единственной буквы «О», и то только потому, что она по своей форме кругленькая и легко врезалась в их окрылённый мозг.

Другие, более одарённые, научились ставить свою подпись печатными буквами, наподобие каракулей, пристроив к концу загогулину, по настоянию учителя, в виде жирного крючка. На этом своё образование они посчитали полностью завершённым и основательным.

Только единицам из всей этой неграмотной когорты, подлинным ленинцам, устремлённым строителям коммунизма, готовым отдать свои жизни за светлое будущее всего трудового человечества, удалось за короткое время научиться писать и читать по слогам. Это было на грани триумфа! Считалось такое достижение в овладении политграммоты пролетариатом верхом возможностей.

А вот дети сумели обойти своих родителей в силу того, что учёба позволяла им отлынивать от тяжёлых работ по хозяйству. Кроме этого в школе, по сути, намного интереснее проводить время со своими сверстниками за партой, познавая многоликий и загадочный мир, переполненный тайнами, нежели быть дома и ковыряться в земле и навозе. Особенно если эти полновесные знания даёт такой учитель, как Степан, имеющий в своём багаже трёхклассное образование и запас фундаментальных знаний, полученных самостоятельно из различных источников старых газет и проспектов рекламного характера.

В усадьбе бывшего помещика Житкова в дневное время суток функционировала начальная школа, а по вечерам открывали избу-читальню в его просторной библиотеке. Всем этим – и школой, и избой-читальней – заведовал полновластный хозяин Степан. По праву учителя, а значит, и заведующим школой, в котором и находилась эта самая изба-читальня. Кроме того, не нашлось ни одного такого дурака, который согласился бы возиться бесплатно с этим безграмотным старичьём. Степан же в силу какой-то одному ему известной выгоды взвалил на свои плечи этот груз.

Изба-читальня явилась центром общения всех слоёв крестьянского общества. Завсегда таями её была активная часть деревенской молодёжи, кроме того, там можно было встретить пожилых крестьян и даже стариков, которые передвигались с клюками, но всё-таки, перекрестившись, воодушевлялись идеями марксизма-ленинизма и с горячим одобрением поддерживали создание пролетарского интернационализма, не хотели отставать от прогрессив-

ной молодёжи. Правда, значительно позже, узнав подлинный смысл значения этого воззвания, категорически отвергали и напрочь отrekliсь, так как самим нечего было жрать. Такое было удивительное время. Боже мой, к великому сожалению, оно безвозвратно ушло в далёкое прошлое, и его уже никогда не вернуть, так же, как и тех героических людей, заложивших основы социалистического государства...

Среди печатной стрекотни – политической пропаганды большевиков, оболванивающей простой неграмотный народ, – можно было в некоторых статьях узнать новости и сравнить с происходящим в мире, что и привлекало народ сюда. Помимо всего прочего, полученные знания разжигали полемику в среде просвещённых мужиков относительно намечаемых планов ленинских единомышленников.

Степан сам лично читал запоздалые газеты недельной давности и разъяснял непонятные моменты в этой невразумительной чехарде нагромождений политической лжи и искажённой информации на злобу дня, проистекающей в ожесточённой борьбе новой и старой формации.

Так что постепенно авторитет среди сельчан у Степана набирал силу, возрастал и креп ото дня на день. Несмотря на свою юность, данный статус нужно было постоянно поддерживать в этом открытом, совершенно прозрачном обществе деревни с оглядкой на строгость своих действий и поступков во всех сферах своей работы и жизнедеятельности.

Критическое отношение к образу своей жизни позволяло Степану запросто поддерживать знакомство с людьми на равных. Никаких страхов осуждения со стороны людей, общающихся с ним, у него не было.

По этому поводу ему не приходилось беспокоиться, так как вся жизни его проистекала на виду всей общины и не выделяла ни его, ни его родных, ничем порочащих их честь и достоинство. Его трудолюбие было непринуждённо-естественным и раскованным, поэтому и плоды зрели здоровыми, без подозрений на фальшь. Он жил своей работой и мчался туда, как на праздник, позабыв обо всём на свете.

Семья Степана за последнее время сократилась до четырёх человек. Все братья и сёстры обзавелись своими семьями и отделились, ушли, как говорится, на собственные хлеба. Предпоследний сын Анисима – Данилка – собирался этой осенью тоже жениться; а следовательно, Стёпке поневоле приходилось наследовать гнилую хату и престарелых родителей придачей к ней.

Степан крепко задумался, и, вполне определённо, было над чем. Как это так вышло? Он, можно сказать, интеллигент деревенского масштаба, а хата его выглядит хуже всех в деревне. После всего этого о каком деловом уважении может заходить речь по любому вопросу, если ты, такой уважаемый человек, можно сказать, просветитель, интеллигент, даже свой быт не можешь устроить. Дело принимало принципиально критический характер.

Переговорив с отцом и используя деньги, заработанные на учительском труде, и прибавив к этому незначительные сбережения от продажи продукции сельского хозяйства, Стёпка решает на строительство нового дома и немедленно приступает к претворению в жизнь этой идеи.

Совмещать работу и такое грандиозное строительство очень трудно, но многочисленные родственники и постоянные завсегдатаи избы-читальни в знак ответной благодарности за его внимание к ним помогли ему в силу своих возможностей. К весне остов нового дома уже вышался рядом со старой покосившейся хатой, распространяя запах сосновой смолы от свежеспиленных брёвен. Идеи новой жизни в стране влекли к лучшему, просветляли сознание, обогащая душу. Эта победа над бытом закалила его самосознание и веру в способность преодолевать трудности в будущем. «Построить новый дом, – всё время повторял старый Анисим, – это тебе не шапку снять!» Справившись с этой задачей, Степан понял, что жизнь и свои

способности нужно оценивать по сделанному тобой, твоими руками и твоим талантом и умом. Он не хотел усомниться в этом, так как всё это лежало на поверхности и много ума не требовало.

Брат Даниил, как и планировалось им, женился на единственной дочери зажиточного мужика из деревни Юрово, получив за жену хорошее приданое, сняв таким образом все свои заботы, одним махом, о своём быте и достатке.

– Делай чудеса своими руками и головой, не надейся на соседа и его молодую жену, – сказал как-то Данилка своему младшему брату Степану. – Пока будешь выкарабкиваться из нищеты, и любовь и желание жить так осточертеют, что и свет не мил станет. Если хочешь жить как человек – живи! Ищи пути к этому настойчиво, с остервенением, денно и ночью!

– Я не стану вмешиваться в твои дела, но, по-моему, один плохой поступок – прощай репутация.

– Знаешь что, Стёпа, умей свои поступки, даже непристойные, представить людям в правильном и выгодном для тебя свете – никто не поймёт твоих мыслей, поверь мне.

– А как же совесть?

– Совесть? Ха-ха-ха! Совесть, брат, это подливка, под которую подают тебе всякую гадость! И потом, свою невесту я люблю, несмотря на её внешность, ты же не знаешь глубины её души. А красота её внутреннего мира – это самое главное для меня. Вообще, для каждого человека судьба преподносит то, чего он хочет. Запомни, парень, это на всю свою жизнь. Смотрю я на тебя, брат, ты считаешь себя умником, а того не поймёшь, что я могу обидеться на тебя. Ты нанёс мне сейчас такое оскорбление, можно сказать, плюнул в душу. Мне это трудно будет забыть.

Он отвернулся от Степана и ушёл к своему новому строящему дому. С тех самых пор их отношения как-то разладились. Данилка отстранился от родственников, стал неразговорчивым, погрузился в себя. Все объясняли это медовым месяцем.

– Что-то его медовый месяц слишком затянулся.

– А может, бочку не с той стороны откупорил.

– Это как?

– Очень просто, если налить полную бочку дерьма, а сверху влить ложку мёда, что является медовым месяцем. Некоторым повезёт, открыв бочку, где находится мёд, они немного порадуются жизни. Другие же открывают бочку с обратной стороны, там сразу дерьмо, никакой тебе радости.

– Влип Даниил, как муха в мёд.

Невеста его, действительно, была маленького росточка, невзрачненькая и, судя по всему, большая скряга. Так всем показалось при первоначальном, так сказать, поверхностном знакомстве. Это только так казалось на первый взгляд. И внешность её и поступки оставляли приятное впечатление при более длительном общении и более глубоком проникновении в её внутренний мир.

Её деловитость и хозяйственность проявлялась во всём: она, например, даже коровий и конский помёт собирала голыми руками в плетуху из ивовых прутьев на лугу напротив своего дома и высыпала в тощую песчаную почву, тщательно перекапывая всё вместе с землёй в своём молодом саду.

Это удивляло всех соседей и вгоняло в недоумение; люди не знали, как к этому относиться, с осуждением или с доброжелательностью. Но по тому, как уверенно богател Данила, как буйно разрастался его молодой сад, пересуды прекратились, превращаясь в примерные похвалы. И всё это благодаря знаниям и умению его жены – чупочки, так почему-то с любовью обзывал её Данилка. Её пример быстро распространялся между соседями, и она постепенно становилась уважаемой и даже привлекательной женщиной.

Чувствуя, как был неправ Степан по отношению к своему брату Даниилу, при очередной встрече он хотел попросить у него прощение. Но всякий раз, боязнь усугубить тот разговор, в котором он якобы осуждал его за женитьбу на богатой и не любимой, останавливала его порыв. Так эта история вроде и забылась.

Каждый в деревне выживал, как мог, приспособившись к местным условиям, но главным критерием в этом оставался упорный личный и утомительный каждодневный труд и умение организовать свою многочисленную семью трудиться. Жившие на земле, ею, матушкой, и кормились, не сытно, правда, но с голоду не умирали. А некоторые даже мясо поёдывали по выходным – то курицу заколют, то уточку или гусака, а осенью даже поросёнка, пудов этак на шесть—семь к зиме припасут, а иные баранчика или самого козлика съедают без всякого якого. Кто на что горазд от своего труда, старания, умения и знания.

К этому времени красные под руководством Фрунзе разгромили белую армию Врангеля и освободили Крым. 17 ноября 1920 года был взят последний оплот белогвардейцев – город Ялта. Этот день считается завершением Гражданской войны в России.

Событие это, хотя и историческое, но в деревне оно было воспринято не помпезно. Во-первых, из жителей Сдесловки никто в крымских сражениях не участвовал, поэтому ждать неприятностей не приходилось. Мир, который воцарился на Руси, предвещал, разумеется, людям послабления в поборах, да и безопасность в обозримом будущем для призывников, да и всего трудоспособного населения, как-никак, гарантировалась. А так жизнь как шла тихомирно, так и продолжала идти, ни шатко ни валко. Каждый знал своё место и имел свои заботы и пристрастия.

Степан был постоянно занят работой в школе и вдобавок пропадал по вечерам в избе-читальне. Молодой, сил хоть отбавляй, да и природа-матушка не обидела парня в этом. Занятия в школе ему нравились, хотя ведение домашнего хозяйства отрывало его от просветительских дел очень сильно и мешало сосредоточить свои помыслы в этом поприще.

Как-то ранней весной в разгар занятий к школе подъехал покрытый брезентовым тентом легковой автомобиль. Вся внешняя облицовка транспорта была облеплена грязью настолько, что через протёртый, видимо, водителем узкий просвет лобового стекла невозможно было увидеть приехавших. Дорог почему-то и тогда не было. Как говорил один из наших общих знакомых, потерявших здесь свою армию, в России есть только направления.

Весенняя распутица расквасила землю, и было даже удивительно, каким чудом им удалось добраться сюда? Возможно, от деревни до деревни их автомобиль волоком доставляли впрягаемые в неё волю.

Дверь автомобиля с трудом и угрожающим скрипом медленно открылась, и на волю вылезла измученная женщина и коренастый мужчина в форменном морском бушлате с бескозыркой на голове. На ленточке бескозырки с трудом читалось «Решительный».

Степан встретил их на крыльце и представился:

– Учитель начальных классов, Долин Степан Анисимович.

– Заведующий Трубчевским райкультурпросветом Кацуба Григорий Сидорович.

С широкой добродушной улыбкой на лице он протянул короткопалую руку с небрежно выколотым на ней якорем на фоне аляповатого сердца и крепко пожал мозолистую сильную руку Степана. Почувствовав силу пожатия, с удивлением повёл подбородком, но ничего не сказал.

– А это обещанная вам учительница. Герой Гражданской войны, участница освобождения Крыма от белогвардейцев и получившая там же боевое ранение – Янина Самойловна Пивоварова. Правда, работать она у вас будет недолго. Ей нужна разрядка после всех её пердряг. Кроме того, учителем она не работала никогда. Поднаберётся опыта у вас, и тогда мы перебросим её в город.

На вид ей можно было дать лет двадцать шесть – двадцать семь. Одетая она была в форменную одежду красноармейца с будёнкой на стриженной голове. Левый рукав гимнастёрки был пуст и аккуратно подоткнут под поясной ремень.

С правой стороны на узком ремешке через плечо свисал массивный маузер в деревянной кобуре.

Степа всё время знакомства ловил себя на мысли, что это оружие приковывает к себе его внимание больше, чем его хозяйка. И зачем учителю маузер? Странно всё это как-то.

После осмотра школы Степан показал гостям свободную барскую спальню для приезжей гостьи на втором этаже, рядом с учительской комнатой. Вскоре шофёр принёс багаж Янины Самойловны, и она стала устраиваться.

Степан, увидев знак Григория Сидоровича, покинул комнату. Выйдя на улицу, Кацуба доверительно положил руку на плечо молодому учителю и пристально посмотрел ему прямо в глаза, заговорщицким голосом спросил:

– Ну как, Степан Анисимович... – здесь он в раздумье на мгновение остановился и, как бы собравшись с мыслями, решительно продолжил, – контра вас не беспокоит?

Степан от неожиданности даже растерялся.

– Какая контра, здесь всё на виду, а главное, против кого? Здесь даже власти-то никакой нет, откуда бы ей взяться этой контре? Разве от болотной сырости?

– Э, браток, не скажи! Вот как раз в болотах-то и заводится всякая мразь! Смотрю, молодой человек, я на вас, революционную бдительность, так сказать, чутьё пролетарское потеряли. Комсомолию почему до сих пор не организовали?

– Некому у нас её организовывать, ни одного комсомольца пока не завелось.

– Ну, теперь будет, кому этим делом заняться, я специально привёз вам сюда товарища Пивоварову. Она боевой соратник, комсомолка, думаю, вместе с ней с этой задачей вы справитесь в ближайшее же время.

Ночью немного подморозило, и ранним утром, затемно, воспользовавшись благоприятными погодными условиями, заведующий культпросветом с водителем укатали к себе в город. Расстояние в двадцать пять километров до Трубчевска, по всей видимости, они преодолели без особых помех.

На прощанье, отойдя в сторону, Кацуба предупредил Степана:

– Ты вот что, браток, Янина Самойловна назначена заведующей школой. Она потеряла мужа на Перекопе, лишилась здоровья, поэтому поддержи её в трудный час. Не оставляй её одну наедине с собой. Она страдает и может в такой момент лишнего выпить. Понимаешь меня?

– Понимаю, – добродушно ответил Степан, не придав последним словам Кацубы особого значения.

– Так я, браток, надеюсь на твою смыслённость.

В тот же день Степан Анисимович представил первоклассникам их новую учительницу Янину Самойловну. Так пожелала она сама, делая упор на то, что опыта у неё никакого нет и с первоклассниками ей будет легче справиться.

В классах учились дети-переростки – восьми, десяти лет. На следующий день Степан и Янина договорились отменить занятия и сходить с учащимися в лес за саженцами молодых берёз, чтобы озеленить территорию школы.

Прошло несколько дней, и Степан стал замечать, что Янина Самойловна приходит на занятия слегка в нетрезвом состоянии. Но как сделать замечание своему непосредственному начальнику? Авторитет школы рушился на глазах. Степан после длительных размышлений договорился с Яниной Самойловной о том, чтобы она выступила перед крестьянами и рассказала им о своих героических сражениях в период Крымской кампании.

Она восприняла это с пониманием и уже в ближайшее воскресенье, ближе к вечеру, в избе-читальне сделала обширный доклад на эту животрепещущую тему. Людей собралось очень много. Зал был переполнен. Всем хотелось услышать живой рассказ свидетеля и участника этого исторического события, завершившего собой целую эпоху Гражданской войны в России.

Степан Анисимович сидел и слушал, затаив дыхание. Жесточайшие и в то же время захватывающие баталии величественной драмы гибели русского народа с обеих сторон. Он не понимал, как произошла эта кровавая резня между братьями. Ладно обозлённые неграмотные мужики отстаивали свои права на достойную жизнь. Но ведь с другой-то стороны просвещённые люди, цвет нации, неужели не пришло им в голову мысль договориться. Сам он не мог осмыслить этой драмы, унёсшей миллионы людей.

«Нужно учиться», – подумалось ему тогда.

Посреди деревни в старом деревянном доме проживал дед Музольков Платон Ермолаевич со своей дородной старухой, привезённой им в молодости из города Трубчевска. Говорили сведущие люди, она была единственной дочерью мелкого купца, типа барахольщика. Кроме незначительного приданого типа швейной машинки и самовара, якобы даже изъяснялась, правда, не очень шибко, знала несколько реплик на французском языке и разбиралась, по слухам «доброжелателей», в тонкостях городских мод. Проверить этого никто не мог, так или иначе ни один мужик не понимал ни слова по-заграничному, так же, как ни одна деревенская баба не шила модных платьев. Эти умения так и не принесли ни одной копейки в дом Музолька.

Но в практической жизни после женитьбы молодому Музольку пришлось с ней понервничать и здорово попотеть. Складывать руки в безделье он не собирался, и отправлять обратно молодую жену обратно в город тоже не входило в его планы. Поэтому, обдумав свои действия, он приступил к её образованию. Он понял, что влип, как говорится, в дерьмо по самые уши. Она долго не могла понять своей роли в выращивании овощей и фруктов, в уходе за животными, ведении домашнего хозяйства. Она с трудом отличала разницу между отходами лошади от коровы, козы от курицы, не говоря уже о более значимых разумах, необходимых для понимания деревенского образа жизни. Он быстро понял свою ошибку, но не пал духом – сильные чувства и потрясения от неожиданных открытий создают настоящего мужчину, тем более Платон помнил, что он какой-никакой, но дворянин. Жизнь создана для любви, остальное – средства для её поддержания...

Дом старика Музолька, так звали его сельчане по-дворовому, стоял на небольшой возвышенности, над оврачком, по которому вёснами сбегала с огородов талая вода в крутой изгиб в этом месте речки. Берег, подмытый временем весенними потоками, становился всё круче и круче. Во избежание обвала Музоль в молодости своей посадил на этом возвышенном берегу несколько ив, которые своими корнями укрепили шаткое место изгиба.

За этими ивами находился сад деда. Дикорастущая высоченная груша и две яблони «Антоновки», вот и весь сад. Правда, в углу забора за ивами сидел куст густо разросшейся вишни. Он был так густ и так одичал, потому вишен на нем было очень мало. Воробьи за один налёт не наедались досыта, не говоря уже о набегах ребятни, которым ничего не доставалось, кроме царапин на лицах и руках.

Главное богатство всего этого великолепия было немного выше, где зеленели ровные грядки с огуречными плетями, расплзающимися по земле и кукурузным стеблям. Чуть сбоку распластались гирлянды тыкв, над которыми возвышались, склонив свои крупные шапки, подсолнухи. В самом низу огорода в сыром месте восседали штук двадцать, а может и больше, кто их считал... кочаны капусты. Жена его всё же вписалась в деревенский уклад, но не стала рожать много детей, ограничилась одним только сыном, который погиб в Гражданскую войну в Туркестане.

От этого сына у деда Музолька был единственный внук, который с раннего детства подавал надежды в науках. Дед не жалел своих сил, но внука отдал в город для продолжения обучения в старшие классы общеобразовательной школы.

Что послужило тому, что ребёнок так упорно стремился к знаниям, неизвестно, только однажды мальчик, разбирая старые бумаги деда, обнаружил там дарственную грамоту, выданную самим императором всея Руси Александром Первым, жаловавшую его прапрадеду дворянский титул за проявленную доблесть и героизм при Бородинском сражении. В придачу к титулу он получил несколько крепостных крестьян и небольшой надел земли посёлка Козинка вместе с младшим офицерским чином.

Почему эта Козинка не принадлежала им никогда, доподлинно неизвестно, только новый владелец хвастался, что он выиграл у какого-то офицера эту деревеньку в карты.

Дворянское звание осталось за их родом, хотя никаких привилегий оно никому не давало.

Похоже, этот Музолёнок решил выучиться и доказать своим дворянским происхождением, кто он на самом деле. Только у парня не хватило ума понять – в нынешнее время советская власть больно не жалуется дворян...

Для того чтобы учить внука в городе, дед выращивал огурцы, солил их в деревянных бочках и зимой сдавал в городские закусовые, этим и помогал учиться внуку.

Когда Васька Луныков узнал об этом, не откладывая, решил пошутить над дедом. Идея движет действия идиота к намеченной цели, даже самой бессмысленной и жестокой. Ночью он забрался на огород к Музольку и повывёргивал с корнями из земли почти все плети огуречной рассады. Для чего это он сделал, он и сам не знал. Просто у него была такая бездушная, извращённая натура хулигана и завистника. Его желания главенствовали над его волей. Вероятно, эти дурные похоти превратили сознание Васьки в порок, от которого он уже избавиться самостоятельно, без компетентной посторонней помощи не мог. Большая мать и сестра-инвалид влиять на него не могли, он попросту не обращал на них внимание. Извращенец развлекался тем отвратительным, что взбрело ему в большую голову и что наверняка могло принести страдание человеку

Дед был весьма сильно удручён и расстроен; он сам расследовал это вредительство и пришёл к выводу, что это дело рук Васьки, больше некому, других злодеев в деревне не водилось. Но доказательств у него не было, кроме размера босых отпечатков ног, оставленных негодеем на влажной земле.

Опечаленный горем, дед Музолёк пришёл в школу и, дождавшись перемены, поделился своими соображениями со Степаном о своей беде и своих предположениях. При этом разговоре присутствовала и Янина Самойловна. Поохали, поохали они вместе, но с места это дело так и не сдвинулось до поры до времени. К великому сожалению, в тот год дед остался без заработка, а внук без финансовой поддержки.

Но учительница, выслушав жалобу деда, восприняла это как злостное вредительство трудовому народу. Выпивать она стала после занятий, боялась утратить тот авторитет, приобретённый ею после разговора с крестьянами о своём героическом прошлом, Люди прямо-таки зауважали её и сочувствовали её горькому положению – как боевому инвалиду, так и потере в сражении мужа.

Так вот, Янина узнала, где живёт Васька Луныков, и в хорошем подпитии ближе к вечеру заявила к нему в дом. Семья собиралась вечерять. На столе стояла в деревянной чашке холодная похлёбка из кислой капусты и чугунок, покрытый снаружи толстым слоем чёрной шубы из сажи, с дымящейся картошкой внутри, сваренной в мундирах.

– Добрый вечер, граждане! – громко произнесла учительница с порога и решительно шагнула к столу. – Так это ты будешь Василием Луныковым?

– Чего тебе надо? Я и есть Васька, – не поднимаясь со стола, дерзко ответил Луныков.

Взбешённая неслыханной дерзостью, Янина выхватила маузер и пальнула один раз в потолок, от чего в комнате запахло порохом и с потолка полетели гнилые щепки.

– Отвечай, контра, зачем вырвал у Музолька на огороде рассаду огурцов? – закричала во весь голос Янина, подступая к побледневшему Лунькову и суя ему в нос дуло маузера.

– Да он... гад... продаёт эти огурцы пролетариям и берёт за них деньги...

– А ты, значит, не гад, не сажаешь огурцы? Вижу, не заготовил даже для себя? – ещё пуще раскипятилась учительница. – Пролетариев, значит, не желаешь кормить?

Васька смешался, по натуре он был робок, но трусом назвать его нельзя. Его дерзость превозмогала страх, и он даже в тёмные ночи выходил во двор справлять нужду. В голове у него почему-то рождались всякие глупости, казавшие ему толковыми мыслями.

– Уважаемая учительница, – вмешалась мать Васьки, – я открою тебе тайну, почему мой сынок не любит этого ирода!

– Открывай, послушаю, – искоса кинуть взгляд Янина на сторбленную старуху, боязливо подступающую к ней.

– Дед Музолёк дворянин – кровопийца стал быть. Не для того мы столько кровушки пролили, а они затаились и жируют... как с гуся вода! Поэтому мой Вася и вредит ему, как может, – говоря это, старушка-одуванчик вдохновилась и, похлопывая себя кулачком по тощей груди, повысила тембр голоса, приподняла трясущую бородку и, приблизившись к учительнице почти вплотную, дерзко заглянула ей в глаза.

– Что вы говорите? Это очень интересно, наведу справки, если обманули, вы мне дорого заплатите.

– Да уж заплатим, куда нам горемычным деваться?

Девушка глянула с любопытством на осмелевшую старуху, успокоилась, машинально сунула маузер в кобуру и, задумавшись, покинула дом Луньковых.

Этот инцидент стычки учительницы с Васькой не получил до поры продолжения. Обоюдное умолчание не предвещало ничего хорошего. Степан нутром чувствовал, что недоверие к нему почему-то возросло. Он продумал все нюансы их взаимоотношений, и ни нашёл ни одного прокола, по крайней мере, с его стороны.

После разговора с Музальковым Степану почему-то вспомнился рассказ отца о происхождении рода Долиных здесь, в деревне Слесловка. Оказывается, родоначальник Долиных, некто Данилка из Курской губернии, простой рядовой солдат, был в своё время непосредственным участником Отечественной войны 1812 года с Наполеоном. На Бородинском поле он самоотверженно сражался наравне с другими героями. Из кровопролитного сражения он вышел живым и здоровым, не получив ни единой царапины. За ратный подвиг его наградили Георгиевским крестом.

На этом светлая полоса его жизни закончилась. Во время преследования Наполеоновских войск под Смоленском ему оторвало руку выше локтя, кроме этого, он получил тяжёлую контузию и многочисленные раны от шрапнели. Осенью двенадцатого года ему исполнилось тридцать два года. Руку он потерял навсегда, а вот голова, хотя она и сидела прочно на шее, но боли не покидали его ни днём, ни ночью.

В лазарете Даниил провалялся почти полгода. Всё это время за ним ухаживала сестра милосердия Лукерья Беспризорница. Рыжеволосая сирота, двадцати трёх лет отроду, стройная и худющая девица, мещанка по происхождению. Она вложила в его выздоровление энергию всей своей души. Он стал для неё родным человеком. Когда Даниил, кавалер двух Георгиевских крестов, получил отпускную, он предложил Лукерье единственную руку и своё израненное сердце. Девица, не раздумывая, отдалась ему со всеми своими потрохами, потому что с её-то внешними данными и нехваткой мужского сословия в виду военных утрат она уже потеряла всякую надежду выйти замуж.

Нет, не думайте, до войны лишних девушек, остающихся в вековухах, не было. Природа так умело рассчитывала прирост населения, что всем хватало и женихов, и невест. В рамках своих достоинств все были пристроены и распределены без обид – хорошие и здоровые молодые люди по своим природным данным объединялись с хорошими, некрасивые, соответственно, с некрасивыми, ну а контингент с изъянами, то есть с отклонениями от естества, – уроды, как сами понимаете, с ними... куда ж им деваться. И жили, и даже счастливо, и детей рожали вполне здоровых. Каждый приобретал свою половинку в соответствии с предназначением Всевышнего.

Деньжонки, по-видимому, у Дани водились, так как отступающие французы, ограбив Россию, часто несли с собой значительные ценности. Ведь, известное дело, Наполеон приходил на Московию не только с декларациями о равенстве, свободе и демократии, но и как крупный воришка – пожить, прикрываясь этими фиговыми листками. Никому не секрет, всякие войны и затеваются с целью наживы или упрочения своей власти за счёт униженных и ограбленных народов.

Даниил Долин купил кобылку, впряг её в бричку, соорудив над которой балаган, посадив туда молодую жену и всё необходимое для дальней дороги и сговорившись с цыганами, двинулся на юг страны. Путешествие проходило без осложнений, пока отставной солдат со своей беременной женой находился с табором. Не доезжая несколько вёрст до Орловской губернии, цыгане повернули в сторону Украины.

– Здесь, на Орловщине, живут самые бедные крепостные империи. Зачем нам голодать вместе с ними. На Украине хорошие чернозёмные почвы, богатые урожаи и вполне сытная жизнь, – заявил Даниилу староста табора. Возражения он категорически отверг и, не раздумывая, своротил обоз направо в сторону Малороссии.

Дальше предстали отставнику лесные разбитые дороги, нищета, грабежи, бандитизм. Пересекая границу Почепского уезда, среди белого дня они напоролась на банду разбойников. Отстреливаясь от нападающих, Даниилу удалось оторваться от шайки, но сам он при этом получил огнестрельное ранение в грудь.

В деревне Сдесловка их путь прервался. Истекающего кровью Даниила и беременную женщину принял на постой сердобольный старец Лупачёв Ерофей. Будучи на сносях, Лукерья с раненым мужем продолжить свой путь к намеченной цели не могла. Положение семьи было настолько плачевно, что все жители деревни откликнулись оказать пострадавшим посильную помощь.

Имея некоторые познания в медицине, измученная Лукерья изо всех сил старалась поставить своего супруга на ноги, у неё это, к величайшему сожалению, не получилось. Через шесть недель Даниил в тяжёлых мучениях скончался.

Похоронив останки своего несбывшегося счастья, в положенное время Лужка разрешилась слабым мальчиком, по всем признакам не жильцом на этом свете, которого нарекла в честь отца Даней. Надо отдать ей должное, она окружила новорождённого младенца и теплом, и заботой. Она ревностно оберегала его, даже муха не смела пролететь мимо, не то чтобы сесть на него. И Даня, представьте себе, выжил, постепенно окреп и возмужал, даже догнал в своём развитии своих сверстников.

Куда податься бедной вдове с ребёнком, у кого искать защиту? Так она и осталась жить в деревне Сдесловка. По своему статусу она была вольной, на мужа ей выделили десять десятин земли. К ним она прикупила ещё сорок. Она скрасила последние годы жизни старца Ерофея, который завещал ей свой дом и приусадебный участок земли. Как она уж там жила, неизвестно. Так вот от них и пошёл знатный род Долиных в Сдесловке.

У Даниила Даниловича был сын Ахрем и три дочери. Ахрем же, как ни старался, но дети у него умирали. Впоследствии выжили сын Мирон и дочь Оля. Мирон женился поздно и родил

двух сыновей, Акима и Анисима, дочерей было много, они-то и опустили зажиточный дом Мирона до бедного, почитай нищенского состояния.

Остальных потомков по мужской линии мы знаем из вышеописанных повествований. Загадочная судьба сложилась у дяди Степана – Акима Мироновича. Жена достопочтенного мужа Фелиция сразу в первый же год после свадьбы родила дочь, которую нарекли Макрелией или, если вам понравится, Макридой.

После родов, спустя месяца два, пошла Фелиция на речку полоскать бельё. День выдался морозный, хотя с утра было относительно тепло и ничего не предвещало похолодания. Нама-хавшись пранником, разгорячилась, затем наглоталась морозного воздуха, да всё время стирки руки находились в ледяной воде, и как результат – простудное заболевание. Всё тело горело, как в огне. Все средства испробовали – от горячей бани в парной с веником до спиртовых растираний. Результат нулевой. Думали, умрёт, позвали батюшку для исповеди. После молитвы, лёжа на горячей печи, женщина уснула, решили, кончилась. Ан нет, Бог не принял такой жертвы, но за самодурство наказал – больше с тех самых пор она не смогла рожать детей.

Пришлось довольствоваться этой единственной девочкой. Она росла у них как цветок, в парниковых условиях. Пылинки с неё сметали заячьей лапкой, обидеть её никто не смел, а противоречить тем более. Воспитывали по книгам того времени. Образование в пять классов она получила в городе. Одевалась по лекалам жены Музолька. У неё было столько платьев, что могла менять их каждый день целых две недели. А внешность у неё была на загляденье. Своей красотой не уступала благородным дамам, изображённым художниками на картинах. Высокая, стройная, пышные белокурые волосы, высокая грудь, горделивая статная походка, голубые широко распахнутые глаза, нос прямой, словно точёный, кожа бледно-розовая, чистая и гладкая, как китайский шёлк, пухлые губы прикрывали перламутровые ровные зубки.

Она шла по телам мужчин, устилающим её дорогу. Но всё это её не интересовало. Достойных её внимания женихов в округе десяти миль не было.

Макриде пошёл двадцать третий год, а она по-прежнему оставалась самодовольной и неприступной «принцессой».

«Засиделась девка», – тревожился Аким Миронович, и чем дальше выросла дочь, тем тревога становилась острее.

Он долго размышлял, и наконец, в его голове родилась достойная мысль. В городе Бежица проживала его тётя Оля, сестра отца, умершего в прошлом году. Под предлогом почтить память усопшего на годовщину кончины он с дочерью решил отправиться в этот город с благородной миссией, а заодно и навестить дорогую тётю. Причина своевременная и убедительная, но если объединить её с другой, не менее важной задумкой, получится превосходный гамбит. Аким Миронович таким путём хотел прозондировать почву в поисках достойных женихов в кругу тётки Оли, пожертвовав драгоценным временем.

По обоюдной договорённости Степан отвёз дядю Акима с дочерью Макридой на его лошади в город Почеп, а оттуда они благополучно доехали поездом до Бежицы. Впервые девушка покидала на столь далёкое расстояние свой отчий дом. Глаза её сияли от счастья. Столько невидимых ранее новшеств, незнакомых людей, проплывающих мимо в окнах вагона населённых пунктов с архитектурными строениями. Словом, впечатлений уйма, не вкладывалось в голову.

Церемония встречи с тётей Олей навеяла на приезжих гостей удручающую печаль. Тётя, кстати, сильно постарела, плохо различала перед собой окружающее, с трудом слышала, наклоняясь вперёд к собеседнику каждый раз во время беседы, и тут же забывала тему разговора. Жила она бедно в своём большом неухоженном доме со своим двенадцатилетним внуком, которому не могла дать ни образования, ни воспитания и даже не в состоянии одеть его сносно.

После того как умер муж Ольги Ахремовны, муж её дочери каким-то образом таинственно пропал, а через три дня исчезла и дочь, оставив сына Владимира на попечение

бабушки. Хорошо ещё, что советская власть не исключила паренька из школы. Хоть какая-то надежда у него на будущее теплилась.

Аким Миронович, как чувствовал бедственное положение тёти, привез из деревни сала солёного с мясом, яиц куриных и прочее по мелочам. Увидев такое изобилие, тётя Оля расплакалась, стыдно ей было за свою бедность, гостей нечем было накормить. Кроме картошки, в доме ничего не было, хоть шаром покати.

О достойных женихах для Макриды в этой нищенской среде и думать было совестно. Ничего не оставалось делать, кроме как провести оставшееся время до намеченного отъезда обратно домой в созерцании парковых ландшафтов или ознакомления с общественными зданиями, где, возможно, случайно можно встретить достойного человека. Все эти манипуляции проводил Аким Миронович в глубокой тайне от дочери и с таким расчётом, чтобы ей не надоело и было интересно.

В первый же день, когда солнце перевалило за полдень, они медленно шли по тенистой гравейной дорожке Бежицкого парка, любуясь скульптурами деревянного зодчества, выставленными местными умельцами на всеобщее обозрение жителям и гостям города.

Старый Аким устал, жара сморила его тело, хотелось плюнуть на все эти культурные городские красоты, упасть в пышный травяной ковёр, росший рядом с дорожкой, и сладко вздремнуть, хотя бы как минимум часок. Его затуманенный взгляд рассеянно скользнул по фигуре идущего им навстречу молодого человека, Уже поравнявшись, старика словно облили из ушата ледяной водой.

«Да эта ж наш помещик, Козинцев», – чуть было не закричал он. «Что делать? Враг советской власти – и свободно разгуливает по городу».

Пройдя несколько шагов, они резко остановились, и, повернув головы, стали пристально разглядывать друг друга.

– Здравствуйте, если не ошибаюсь, вы из Сдесловки? – первым заговорил Козинцев.

– Да, вы, конечно, не обязаны помнить мою фамилию, имя и отчество, но я Долин Аким Миронович. Вы наш бывший помещик Козинцев Ярослав Александрович, не так ли?

– Вы абсолютно правы. И у вас, по-моему, зреет законный вопрос, по какому такому праву этот кровосос разгуливает среди вас, да ещё и среди бела дня?!

– Смотрите в корень! Нам это любопытно узнать из ваших уст.

– Я вам охотно разъясню, если у вас есть время, желанием, к счастью, вы обладаете.

– Времени у нас хватит с избытком, если вы не сбежите.

– Причин для этого у меня нет, да и намерений тоже, – твёрдо заявил бывший помещик. – Так вот, с чего только начать, чтобы быть кратким... До революции, будучи студентом университета в Санкт-Петербурге, я посещал ячейки социал-демократов. Туда же я захотел привлечь и свою жену. Она принципиально отказалась заниматься политикой, и по мере углубляющегося конфликта в семье мы расстались. На содержание дочери понадобились деньги. Я продал имение и вручил их бывшей супруге. Вскоре меня арестовали, лишили дворянского звания и отправили на каторгу.

Так что, уважаемые товарищи, в настоящее время я и не помещик-кровосос, и не дворянин, а каторжанин. В данный момент состою на службе в Красной Армии комиссаром по кадровым делам.

По всему видно было, что Макрида произвела на него очень сильное впечатление, и чтобы продолжить общение, он пригласил их в кафе-мороженое.

– Извините, Аким Миронович, не представите ли вы мне свою очаровательную спутницу? – смущаясь, обратился с просьбой Козинцев, не сводя глаз с лица зардевшейся девушки.

– Почему бы и нет. Представляю вам свою единственную дочь и наследницу, если можно так выразиться в наше время, Макрида Акимовна Долина. Или, если вам будет угодно, Макрелия! Прошу любить и жаловать!

Макрида Акимовна, как истая дама, галантно подняла свою ручку, которую Козинцев с благоговейным трепетом поцеловал, проговорив при этом:

– Весьма польщён, очень приятно познакомиться с вами. Прошу не отказать в моей просьбе сопровождать вас и быть вам полезным.

Макрида многозначительно посмотрела на отца, который со вздохом сказал:

– Мы, к сожалению, уезжаем через два дня на поезде в сторону Почепа.

– Здесь сильно душно, осмелюсь пригласить вас посидеть в удобном прохладном месте за чашечкой кофе с мороженым.

– Мы, Ярослав Александрович, не возражаем. По правде сказать, я сильно устал, и отдых лично мне не повредит.

– Тогда тронемся, кафе в двухстах метрах от нас, – и Козинцев галантно предложил свою руку даме.

Кофейня располагалась в полуподвальном помещении двухэтажного особняка и представляла собой уютный грот, вырубленный в скале. Большие кадки с заморскими растениями типа фикусов и пальм стояли, отгораживая столики друг от друга.

Как только они заняли удобное место в углу, к ним торопливо подошёл молодой официант с висящим полотенцем на руке. Он поклонился и предложил даме меню. Вскоре на стол принесли приборы, а следом кофейник, сливки и мороженое.

Макрида, прожившая год в городе, знала, как управляться со всем этим, но Аким Мионович не торопился выявлять своё кулинарное невежество, он медлил, выглядывая, как орудуют другие, и только тогда начинал действовать со своими приборами со всей уверенностью, что действует правильно.

Старик остался доволен не только пищей, которую он и за пищу не посчитал – польнь, заваренная кипятком, мороженое, правда, он с удовольствием съел, сколько вниманием, оказанным им Козинцевым, как ни говори, а в недавнем прошлом их господином.

С того момента, как Аким Мионович отхлебнул этой горькой польни, крыша его поехала, стала плавиться до такой степени, что перестала нормально реагировать. Он замечал, что Ярослав Александрович не менее, чем он, попал под влияние обаяний Макриды и готов был продать Родину за единственный взгляд чаровницы.

Под вечер следующего дня Козинцев обратился к отцу девушки выдать за него замуж его дочь. Немного поразмыслив и чтобы не показаться слишком заинтересованным, заявил:

– А, что по этому поводу думает невеста? Даёт ли она своё согласие на брак?

– Аким Мионович, с ней этот вопрос мы согласовали в первую очередь. Дело стопорится только по вашей милости.

– Моё решение не заржавеет. Милостивый государь, вы первоначально растолкуйте мне, какие условия вы представите нам в связи с женитьбой на моей дочери?

– Странно это слушать от вас, дорогой Аким Мионович, Я люблю вашу дочь, и этого для меня будет вполне достаточно, – с горячностью высказался Козинцев.

– Я допускаю это, ваше положение позволяет такие вольности. Где же вы собираетесь жить с молодой женой, не на вокзале же?

– Свадьбу мы сыграем, как только отремонтируют выделенную мне квартиру. Это событие произойдёт не ранее месяца. Квартиру я уже показывал Макрелии. Мы там были, ей очень понравились и квартира, и место расположение дома, почти в центре.

– Ну что ж, сынок, я согласен передать тебе своё сокровище. Надеюсь, ты не обманешь меня и проживёшь с ней всю жизнь в любви и согласии, – сказав эти слова, Аким Мионович вытер набежавшую слезу самодельным платком.

– Отец, радоваться надо.

– Да это слеза радости. Теперь уж и горевать не придётся, наверно, не о чем будет! Все земные дела подходят к завершению.

Все эти дни наречённые ни на минуту не расставались. Казалось, даже Аким Миронович, и тот был им в тягость. А он, почувствовав это, самоотстранился от них.

Поезд издал тревожный гудок и, обдав провожающих густым клубом дыма и гари, медленно набирая скорость, отошёл от перрона. Колёса то и дело пробуксовывали, издавая металлический скрежет, будто торопился, задыхаясь и сбиваясь с ритма.

Комиссар по кадровым делам шёл рядом с окном вагона, махая рукой, что-то говорил. Голоса его из-за двойных стёкол не было слышно, но по выражению лица можно легко было догадаться, что скоро они с Макридой встретятся. Она и без этого знала, что ровно через месяц он приедет за ней в Сдесловку и на белом коне увезёт её в заоблачную высь, где их ждёт бесконечное счастье.

Но такой долгий срок может вытерпеть только смертный, но не влюблённый. Уже через неделю ответственный по кадровым вопросам комиссар нагрянул в город Почеп с проверкой набора призывников в Красную Армию. Проверив, как полагается, циркуляр разнарядку и сделав соответствующие замечания, в тот же день он потребовал верховую лошадь и выехал без охраны по району с целью проверки положения на местах. Такой командир в сознании подчинённых был отмечен с чрезвычайно положительной стороны.

В сумерках того же дня Ярослав Александрович объявился на пороге хаты своего бывшего конюха, которого одним своим появлением перепугал до икоты. Увидев наяву живого и здорового своего бывшего помещика, перед глазами конюха поплыли картины пыток, одна страшнее другой.

– Терентий, не переживай ты так сильно. Боюсь, тебя может кондрашка схватить. Я не белогвардеец, а чиновник аппарата Советской Армии, – поторопился успокоить конюха товарищ Козинцев и в знак доказательств показал ему свой мандат.

Перепуганный бывший конюх, не до конца ещё успокоившись, взял всё-таки мандат и, повертев его в руках и даже проверив на просвет, вернул владельцу. Писать и читать в школе ликбеза он так и не научился, и вот в данный момент сожалел, каково было бы удивление господина помещика, увидев преобразившегося в культурном отношении конюха.

– О моём приезде никто не должен знать. Это военная тайна. Проболтаешься кому-либо, будешь наказан. Ты меня понял, Терентий? – строго приказал комиссар. – А теперь отнеси вот это письмо Долиной Макриде и передай ей лично в руки, и никому кроме... только ей. Понятно?

– Будет сделано, господин... то есть товарищ Козинцев.

Степан почти каждый день возвращался домой, когда солнце касалось горизонта. Дома его ждали некоторые дела по хозяйству. На личную жизнь времени, как всегда, не хватало. Вот и сегодня, выйдя из усадьбы на тополиную аллею, он увидел идущую ему навстречу двоюродную сестру Макриду. Заметив Степана, она смешалась и торопливо свернула в кустарник, за которым виднелся посёлок Козинка. «К кому это она идёт? – подумал юноша, перебирая в памяти кандидатов для её посещения. – Наверно, к гадалке, тётке Авсеехе, торопится на ночь глядя, суженого-ряженого захотела приворожить!» – усмехнулся Степан.

В это же самое время, разморённая дневным зноем, на веранде в кресле-качалке сидела Янина Самойловна с бутылочкой самогона и время от времени маленькими глотками поглощала это уже ставшее привычным для неё деревенское зелье. Отставив в сторону самогон, женщина решила вздремнуть, но перед тем как закрыть веки, ей показалось, что там, внизу, в темноте, между стволами деревьев, кто-то ходит и даже слышались тихие волнующие голоса, женщины и мужчины.

Янина сразу поняла, что это контра. Настал миг, может быть, единственный, оправдывающий смысл её жизни, – действовать. Она дрожащими от волнения пальцами нащупала маузер и осторожно вытащила его из кобуры. Крадучись, как кошка, тенью, затаив дыхание, выплыла в сад.

Молодая луна, только что заступила на дежурство, осветив сказочным флуоресцентным сиянием окрестности. Шаг за шагом, петляя между стволов деревьев и заглядывая под кусты и тенистые места, стала осматривать прилегающую к дому территорию сада. Хмель в голове и острое возбуждение привели к тому, что молодая женщина не заметила валяющее полено и, споткнувшись, упала, при этом нажала спусковой курок маузера. Раздался выстрел, нарушив все заповеди ночной тишины.

Метрах в пятнадцати за углом покосившего сарая, на куче сена, лежали в любовных жарких объятьях только что встретившиеся Макрида и комиссар по делам кадров. От звука выстрела они вскочили, и, впопыхах застёгивая пуговицы на ширинке галифе, он крикнул Макриде:

– Беги!

Увидев появившуюся из-за угла Янину с маузером в руке, Ярослав Александрович встал таким образом, чтобы прикрыть своим телом отступление Макриды.

– Ну что, контра, попался? Сдаёшься, или я вышибаю тебе мозги первой же пулей, – вопила несвязным голосом полупьяная дама, размахивая оружием и подходя, пошатываясь, всё ближе и ближе к Козинцеву.

– Хорошо, так и быть, сдаюсь на милость победителю, только предупреждаю вас, я не контра, я свой...

Мысль эту ему не дала договорить Макрида. Она неожиданно появилась в тылу Янины и со всего маху нанесла ей удар по голове тем поленом, о которое она споткнулась. Учительница упала, свернувшись калачиком, как ребёнок, – маленькая, щупленькая и беззащитная. Маузер её валялся рядом, не представляя никакой угрозы.

Ярослав Александрович потрогал пульс и констатировал:

– Готова...

– Ой, что ж мне теперь будет? Я ж не хотела! – расплакалась Макрида, предчувствуя непоправимую беду на свою голову.

– Ничего тебе не будет, если не проговоришься. Ты ничего не видела, не слышала и не знаешь. Иди сейчас домой и соблюдай покой. Я сразу же вернусь за тобой, как только здесь всё утихомирится. Ну не горюй, мой цветочек, до скорой встречи.

Он проводил её до конца липовой аллеи, и они расстались. Расставание получилось натянутым и каким-то вымученным. Напряжение сквозило в каждом движении: и прощальном поцелуе, и в объятьях, и даже в случайных касаниях не было того трепета и волшебства. Она бегом побежала к своему дому, а он, отвязав от стойла у конюха своего жеребца, рысью поскакал по направлению города Почепа.

Не успела Макрида добежать до дома, как Янина Самойловна, простионав, открыла глаза. Она потрогала больное место на голове и, обнаружив там приличную шишку, сдавленным голосом проговорила:

– Пить надо бросать...

Прошёл обещанный месяц, прошёл второй, прошёл, наконец, и третий. Аким Миронович почувствовал неладное недоразумение в отношениях дочери с комиссаром. Вызвав её на откровенный разговор, выяснил причину, по которой жених не кажет глаз в Сдесловке. Но главная беда, которая насквозь пронзила незащищённое сердце Акима, заключалась в беременности Макриды. Оставив все дела на потом, старец выехал в Бежицу разузнать истинную причину разрыва, приведшую к катастрофе.

Там во всех инстанциях его даже не пускали на порог заведений. Выслушав его просьбы встретиться с Козинцевым Ярославом Александровичем, отвечали, что данный товарищ находится в командировке по служебным делам. Только один, видимо, совестливый человек достоверно сообщил ему, что комиссар Козинцев переведён в город Гомель на постоянное место службы. Сразу узнав это необнадёживающее известие, Аким Миронович сник здоро-

вьем и домой вернулся больным. Его незабываемое понятие порядочности и веры между людьми основывалось на заповедях Господа, и нарушение этой связи порывало веру, обнажая незащищённую душу.

Старик молча лежал на телятнике, вперив свой немигающий взгляд в потолок. В его голове выстраивалась многоходовая комбинация исправления ошибки, которую он же и совершил. Настало время исправить её и предстать перед ликом святых угодников.

Где-то в марте месяце из германского плена вернулся Федотов Семён Дмитриевич по кличке Митрич. Пока он отсутствовал дома, родители его умерли, хозяйство разорилось, и даже забор вокруг участка, был разобран на дрова. Только покосивший дом с заколоченными крест-накрест окнами торчал из земли, напоминая своим осиротевшим видом одинокую каланчу.

Длинной и очень долгой была дорога военнопленного Семёна в родные края, да ещё здесь на Родине больше года его проверяли, снимали дознания, ломали через колено. Вернулся Митрич домой, а его здесь никто не встречает и не ждёт. И такая кручина обуяла его душу, что и жить ему расхотелось. И в самые безысходные времена позвал его к себе Аким Миронович и предложил совместную жизнь. Даже хату свою старую, которая стояла рядом с построенным новым домом, предложил ему для проживания.

– Жить будем в разных хатах, а щи хлебать с одной чашки. Здоровье моё, сам видишь, на волоске. Всё хозяйство возьмёшь в свои руки, старуху мою на старости присмотришь, ну и похоронишь меня. Дочь у меня красавица, сумеешь обуздать её гордыню своими чарами, возражать не буду, выдам за тебя замуж. Вот таковы мои условия. Хош принимай, а на нет и суда нет.

– Условия нелёгкие, но я прикинул и сделал вывод, что не останусь в конечном итоге в убытке по всем пунктам. Лодырю, возможно, и покажется этот труд тягостным и невыполнимым, а мне наоборот, половина того, что я всё равно вынужден буду делать, уже сделано. Осталось самая малость – спускаться под горку. Я принимаю и возлагаю всю ответственность на себя вместо вас, – высказался категорично Митрич. – Не стану вас утруждать сопровождать меня при осмотре хозяйства, разберусь сам. В Германии я управлял большой фермой и приобрёл там громадный опыт, который надеюсь применить в вашем хозяйстве.

Семён в тот же день принёс свои жалкие пожитки и поселился в старой хате, где Фелиция обустроила для него прекрасную постель. Он так гармонично вписался в структуру хозяйства, что никто даже не почувствовал в нём постороннего жильца. Митрич своевременно выполнял все сезонные работы, постоянно следил за текущими, производил своевременные ремонты инвентаря и оборудования. Всё, что касалось хозяйства, лежало на его плечах.

Аким Миронович всё последнее время чувствовал себя всё хуже и хуже. Он то задыхался, не хватало воздуха и ему в судорогах приходилось дышать так часто, что пересыхало горло. Иногда сердце начинало колотиться с перерывами. Как только немного поешь, в груди возникало сильное жжение. Чувствуя приближение конца жизни, он не тревожился. Совесть его была чиста перед Богом и людьми, всю жизнь честно трудился, обрабатывая землю, тем и довольствовался. Редко найдутся люди, которые подумают, что не оставляют после себя ничего. Старый Аким был обманут собой, поэтому его любимая дочь оставалась униженной по его вине, и этого простить себе он не мог. Он сделал её несчастной, а значит, бедняжкой до конца её жизни.

Когда подошло время проститься со всеми, он позвал своё любимое чадо и сказал ей:

– Доченька моя, прости меня за то, что я не сумел дать тебе подлинного счастья. Не разглядел я подлеца, поверил трусливому негодяю. Я оставляю тебя на попечение Семёна Федотова. Он человек надёжный и не оставит тебя в беде. Будешь жить за ним, как за каменной стеной. Присмотришь к нему. А теперь прощай, встретимся у Господа. – Он повернул голову к стене, и Макрида увидела, как крупные слёзы скатились с его щёк на подушку.

После похорон Макрида вместе со своей матерью не находили себе места. Семён всячески старался облегчить им горе своим участием и ненавязчивым вниманием.

Прошло время, горе тихо отступило в прошлое. Человек пожил достаточно, все мы смертны, все там будем, и ради чего выматывать себе нервы. Тем более несмотря ни на что, жизнь продолжается.

Чувствовать жизнь в её прекрасных проявлениях свойственно каждому – кто живёт, чувствуя радости жизни. Однажды благословенным вечером зашла Макрида в хату Семёна, чтобы взбить подушки, да так и осталась там до утра. Соседи стали замечать рост живота у Макриды, и сплетни поползли по деревне, одна забавнее и острее другой.

«Выбирала, выбирала и выбрала, смешно сказать, – батрака, и что она в нём нашла?»

«Живёт во грехе, была непутёвой и продолжает в том же духе!»

«А что вы думаете, отец умер, теперь батрак её обрабатывает в поле и в постели!»

Только некоторые не осуждали Макриду: «Всё будет у неё хорошо, батя умер, не будет же она свадьбу закатывать в траур. Вот через год и ребёночек родится, и распишутся в сельсовете, как полагается. Вот увидите».

Таким образом, Макрида обскакала всех – и честь свою соблюла, и хозяйство приумножила.

Так и случилось, в положенное время Макрида разрешилась здоровой девочкой, Верой назвали в честь назидания жестокого обмана. После рождения дочери Семён и Макрида узаконили свои отношения и стали жить в любви и согласии. Митрич никогда не упрекнул свою жену незаконнорождённой дочерью и не делил свою любовь между своими детьми и Верой.

Спустя год в Плюсково нагрянул комиссар по кадровым делам товарищ Козинцев на чёрном лимузине, сверкающим никелем. Проверка заняла не более часа, но за это время он узнал о судьбе Макриды.

– О, Макрида Акимовна нынче уже не Долина, а Федотова, вышла замуж и родила девочку, правда, почему-то прежде времени, семимесячную.

Но эта подробная детализация уже не интересовала комиссара. Он злобно выругался и уехал в город Трубчевск с внеплановой проверкой.

Приближались летние каникулы в школе. Весна запаздывала, затем своими ускоренными действиями резко повысила требование обратить на неё внимание со стороны хлебороба. Земли на Брянщине песчаные, быстро теряют влагу, поэтому от сельчанина требуется сноровка, чтобы засеять поля вовремя. Не поспешишь посадить зёрна в почву – осенью не соберёшь урожая, зимой пожнёшь голод. Недаром говорят в народе: лето дано, чтобы подготовиться к зиме, молодость, чтобы подготовиться к старости...

Степан с родителями остался жить втроём в пахнущем смолой своём вновь отстроенном родовом доме. Старики хоть и радовались перемене, но чувствовали себя неуютно и поэтому часть своего времени проводили в старой обветшалой хате. Там они чувствовали себя здоровее и не замечали разрыва во времени.

Родители Степана, как и многие пожилые люди, не желали покидать этот мир и оставлять некоторые свои дела незавершёнными. Обеспокоенные своим преклонным возрастом, они в один голос всё чаще стали поговаривать о том, что время их подходит к старости. Они уже не справляются с тяжёлой работой по ведению домашнего хозяйства; им нужна помощница, намекая на будущую жену Степана – здоровую, молодую и энергичную невестку.

Только он об этом пока не задумывался и даже не помышлял, да и, по сути, он даже и не нагулялся вдоволь, и зачем ему этот хомут сдался? Не трудно было догадаться, что он ещё не созрел. Молодость на распутье требует наставника, и если он окажется в юбке, дело сдвинется с мёртвой точки гораздо быстрее. А его-то, этого наставника, как раз и не было.

Не раз родители красноречиво намекали Степану о девушке, которую они хотели бы видеть в своём доме в качестве жены своего младшего сына, но он упорно молчал и только

краснел, уклоняясь от разговора. Эта настойчивость родителей постепенно укрепляла в нём веру в своей полноценности и зрелости как мужчины. По правде сказать, в последнее время образ этой самой Катерины всплывал мельком перед его воображением.

Юная Катерина была моложе Степана и тоже по молодости своей даже и не задумывалась об этих премудростях и своей роли в качестве чьей-то будущей жены. Разве что в мешанине своих розовых воображений она выделяла Стёпку среди остальных хлопцев – вот и всё. Хотя она знала, что родители ей готовят приданое с самого детства, и в её сознании это понимание откладывалось постепенно и настойчиво. Может быть, в её головке что-либо и вырисовывалось, но на деле она воспринимала это как закономерную необходимость.

Что же до их сближения, то до поры и времени ни Степан, ни Катерина, никто другой на всём белом свете решительно не имел ни малейшего даже намёка, не говоря уже о желании, чтобы толкнуть их к прямому сближению. Всё развивалось своим чередом.

Ранимая юношеская Стёпкина натура была наглухо отгорожена от постороннего проникновения в неё – никто не имел туда доступа, ни при каких обстоятельствах; даже он сам старательно скрывал свои сокровенные мысли от самого себя, да их попросту и не было.

Старый Анисим был в недоумении от его равнодушия. Время от времени он поучал и наставлял Степана на путь истины. Как отец и как человек, проживший свой век и повидавший многое в своей жизни, а, следовательно, имевший право поучать сына. Учитывая это и многое другое, которое хранил в глубокой тайне в запутанных омотах души своей, задерживал иногда сына и, посмотрев оценивающе на него, настоятельным голосом говорил:

– Стёпа, сынок, для судьбы своей выбирай жену не сердцем, а головой. А ежели будет совпадение, тебе привалит большая удача – прожить без тоски и печали всю твою жизнь!

Эти постоянные намёки и разговоры в семье, да если учесть трудности в домашнем быту, вынуждали Стёпку более пристально обратить на эту жизненную с некоторых пор для него тему, как на необходимость и важность облегчить жизнь престарелых родителей в ведении домашнего хозяйства. Эти обстоятельства вынуждали его думать об этом чаще и перенести этот несвоевременный вопрос на верхний уровень своих первостепенных задач.

Что же касается его душевного состояния, то оно находилось в относительном покое, можно сказать, даже в стадии лёгкого раздумья и неопределённости. Если же сказать по совести, то несмотря на свою занятость, именно эти причины побудили его чаще посещать молодёжные сборища по воскресным вечерам.

Посещая их, он присматривался к девушкам, вникал в суть дела, но практически не проявлял должной активности. Катерина, которая интересовала его больше всех остальных девушек, была редкой гостьей подобных вечерних гулянок молодёжи. Обычно она приходила со своим братом Семёном, который был с ней в качестве телохранителя. Степан дружил с Семёном с раннего детства, так как жили до революции в соседних домах. Они здоровались, перекидывались парами фраз, Катерина обычно находилась рядом, но в разговор не вступала и была равнодушна. Она, видимо, ещё не понимала своей возможности привлекать внимание мужчин своей красотой. Была угрюма и молчалива, с безразличием поглядывала на окружающих, и стоящего рядом с ней Степана, словно не замечала. Обычно Катя отходила от брата к подружкам, а Семён пускался в пляс с какой-либо знакомой девчонкой. Степан оставался в одиночестве. Иногда и он приглашал одиноко стоящую девушку, чтобы скоротать время. Он не знал твёрдо, чего ему нужно и чего добивается, поэтому страдал, не понимая причины этой хандры. Та туманная цель, помноженная на время, и ещё не вполне полное понимание своих устремлений приводили его чувства к тому складывающемуся результату, который не удовлетворял его никак. У Степана же ни того, ни другого и в помине не было. Время, видимо, ещё не наступило.

В тесном скоплении молодёжи были иногда на этих вечеринках, вернее сказать на поглядках, моменты случайных встреч Степана и Катерины. Искромётные взгляды, брошенные ею

как бы невзначай, красноречиво свидетельствовали, что он ей небезразличен. Но его застенчивость и нерешительность всегда препятствовали решительным действиям для сближения.

В последнее время Стёпа с каким-то затаённым волнением незаметно, как бы украдкой, наблюдал за ней с дальнего расстояния с явным любопытством более пристально, чем положено. Чтобы как-то явно навязывать себя, это не принято было в деревне, – невесту, по старым традициям, всегда выбирали родители жениха, кроме того, это компрометирует девушку.

Поговорить, конечно, можно было при взаимном доверии на людях, не вызывая подозрения. Но втихаря, чтоб никто не видел, боже упаси вас. Бывало, обстоятельства складывались, ну не разойтись, скажем, при случайных встречах, или при неожиданных житейских всевозможных необходимостях, или просто по какой-то надобности, тогда другое дело. А так, ни-ни, пойдут разговоры, пересуды... Тем более он учитель. Он и сам опасался этого, пока эта домашняя возня не довела его сознание до той черты, после которой его любопытство переросло в назойливую идею или, вернее, цель. Как говорят сведущие, обжѣгшиеся на этом деле люди, любовь врывается в сознание человека чаще всего бесцеремонно, если это она, а не злой рок. Во всяком случае в сознание Стёпки мысли о Катерине стали проникать медленно, шаговой поступью, и вытеснять большую часть размышлений из его повседневного репертуара в перегруженной голове, призывая его к непременно встрече с ней.

А произошла эта их встреча при самых неожиданных и загадочных обстоятельствах. Он шёл с покоса лесной тропинкой, разморѣнный и слегка уставший. Было душно от знойного солнца и парящей влажной земли; во рту пересохло – хотелось пить, даже голос пропал. А тут вдруг Катерина с полным лукошком грибов собственной персоной выходит из леса наперерез тропинке, будто нарочно поджидала его, сидя в кустах.

Ну уж это слишком, нет, не такая она девушка, поджидать она будет кого-то – пусть её поджидают, только не она! Стёпу от неожиданности даже в пот бросило. Они шли рядом каждый при своих мыслях. Он, конечно, сразу поздоровался с ней, с трудом поборов своё смущение; она ответила с лёгкой улыбкой на обворожительных алых губах, лукаво зыркнув на него своими огромными лучистыми чёрными глазищами. После короткого замешательства он оправился, но мысли всё равно путались, и ничего не приходило на ум, а время шло, молчать становилось просто неловко.

– Меня зовут Степаном, а тебя? – еле нашѣлся что спросить. Вопрос, правда, показался даже самому нелепейшим, о чём он сразу же и пожалел. Но ведь опыта общения с девушкой никакого: приходится выворачиваться, казаться взрослым, зрелым мужчиной, способным что-то самостоятельно решать.

– Как будто вы не знаете. Вы же были у нас учителем, ну, если забыли, Катя, – она явно была удивлена и даже немного растерялась, от чего посмотрела на него с подозрением.

Степан, разумеется, знал её с самого детства как облупленную. Но так как она моложе его, как говорится, ещё сопливой, то он и не обращал раньше на неё особого внимания. Да если добавить к вышесказанному, он вообще не обращал внимания на этих самых девушек. Не знаю почему, наверно, не доверял, отсюда такое и отношение. За время их последней встречи, к его удивлению, она стремительно повзрослела, голос у неё стал волнительно мелодичным, каким-то задушевым, трогающим за душу.

Только недавно на вечеринке, внимательно рассматривая всех девушек на предмет претендентки в качестве суженой при слабом лунном рассеянном освещении, он особо отметил её среди остальных девушек. А вот сейчас при дневном свете он любовался ею с искренним восхищением. Но время, отведѣнное им идти рядом, так резко и неожиданно оборвалось, он даже не заметил этого, ковыряясь в своих противоречивых спутанных мыслях, ища тему для дальнейшей беседы.

– Счастья вам, Степан Анисимович, мне направо, к дому, – и ушла, оставив его с лёгким затуманенным кружением в голове и неопределѣнной тяжестью в желудке от вспыхнув-

ших с новой силой волнений. Стёпа был ошарашен такой кратковременностью их встречи. К этому времени их совместного пути он уже придумал дальнейший ход разговора для prolongирования времени встречи – например, попросить напиться воды. Эта просьба была совершенно естественной. У него действительно пересохло во рту и хотелось сильно утолить жажду, а её дом находился поблизости. Он даже собрался бежать за ней, но время оказалось упущенным, и он с досадой только махнул рукой.

«Ну подумать только, как это всё так замечательно и пристойно началось – и так неожиданно оборвалось?!» К его прискорбному огорчению, он продолжил свой путь в подавленном одиночестве, ощущая в ногах лёгкую слабость. В душе, надо признаться, он почувствовал выросшие крылья какой-то лёгкости и надежды. Вот таким незатейливым образом и закончилась их эта первая краткая встреча, окрылившая и утвердившая в его окончательной решимости. С той самой встречи он потерял покой и уверенность в своей безоблачной молодой жизни. Всё в один миг в его безоблачном сознании круто изменилось: и его мнение о женщинах, и о целесообразности жениться, и о томительных чувствах. Пафос короткого юношеского романтизма закончился.

В тот же день, когда все работы по хозяйству были завершены и жара стала медленно уходить в землю, уступая место вечерней прохладе, предлагая отдых и покой утомлённой душе, сразу после ужина суэта сменилась умиротворённостью, все приготовились к ночному отдыху. Как бы предвосхищая дальнейшие действия сына и видя его намерения удалиться на покой, Анисим Миронович преградил ему путь и, глядя на него какими-то загадочными глазами, положив при этом свою тяжёлую руку на его плечо, прокашлявшись в кулак, заговорил:

– Постой, сын.

– Что тебе, отец? – отозвался Степан, предчувствуя по голосу родителя что-то серьёзное.

– Стёпа, сынок, ты уже вырос, стал мужчиной, того и гляди забреют в рекруты, а там что будет – одному Богу ведомо. Поэтому чтобы твой род не прервался на тебе, я решил тебя этой осенью поженить. Если есть у тебя девка на примете, скажи, обсудим. Невольно я тебя не стану, знаю, каково жить без души, но самовольничать не дам, кабы кого в дом не допустим, – голос у него при этом стал стальным и строгим. – Чтоб потом локти не грызть, голтыбчу не разводить и людей не смешить. Ну а ежели ты не определился, то мы с матерью подберём тебе достойную невесту. – И по-отечески хлопнул его ещё раз по плечу.

Он был ростом ниже сына, кряжистый, кривоногий старикан с крупной головой, покрытой рыжеватой с седеющими барашками реденькой шевелюрой. На широкой груди возлежала лопатой пышная красивая белоснежная борода, из которой торчал крупный мясистый весь в ямочках от угревой сыпи розовый нос. Чуть выше поблёскивали живые маленькие близко посаженные лукавые глазки.

От неожиданной темы разговора Стёпа густо покраснел и потупился, хотя этот вопрос только сегодня стал главным в его повседневной настоящей жизни. В последнее время, прямо надо сказать, он тайно млеял от одной только мысли, что у него будет собственная женщина, и кто она, он уже знал, и в подсознании мерещились в его воображении сцены отношений... и всё другое... Но вот так неожиданно, прямо в лоб, это было для него уж слишком неожиданно явным, как бы это сказать, – революционным. Перед его сознанием вспыхнул живописным сиянием живой образ Катерины; таким ярким он посиял перед его взором некоторое время и стал медленно гаснуть – возникли какие-то сомнения, которые необходимо было срочно решать. Стёпа, поборов смущение, ответил отцу с нарочитой иронией:

– Уважаемый мой папаша, на твои вопросы ответов у меня пока нет. Мне нужно подумать и подготовиться. Поговорим об этом чуть позже, когда я приму твёрдое решение.

Старик с явным удивлением посмотрел на сына, засунул руку под бороду, отодрал её от холщовой рубахи на груди и, аккуратно уложив на место, бережно пригладил её ладонью.

– Ну, что ж, подождём – время терпит, – проговорил с усмешкой Анисим Миронович, ткнув при этом пухлым коротеньким указательным пальцем вниз, будто втыкал в землю памятную вешку.

На этом в тот раз разговор по поводу женитьбы прервался, но явно не завершился. Оно и без слов ясно – семье нужна работница, старики немощны и не справляются со всеми делами по хозяйству, несмотря на активную помощь сына. Степана только коробила поспешность, с которой его захотели захомутать, не дав ему выбора.

Было воскресенье. Вечерняя заря вспыхнула в лучах скрывшегося светила, окрасив полнеба в золотые и сиреневые цвета, собравшие на горизонте лёгкие облака.

На поляне возле дома бобылихи, бабки Салохи, страдавшей бессонницей, постоянно собиралась деревенская молодёжь по праздникам и выходным: вдоволь повеселиться, попеть, поплясать под балалайку с барабаном и бубенцами. Играл самый отчаянный балагур и заводила Колька Федотов. Он был ещё молод, но уже женат, да и жена была ему под стать, приходили вместе и веселились с молодёжью. Женщина так звонко пела, что её голос был слышен на другом краю деревни. За этот голос и полюбил её Колька Федотов – «соловушка» звал он ласково её.

Николай настолько проникался весельем, что, напевая озорные частушки, вдруг выскакивал в пляске на середину круга, выкидывая невиданные коленца, удивляя всех своим задором. Все поражались его талантам. Пыль там стояла, не оседая, пока молодёжь веселилась, хотя девчата обильно брызгали землю с вечера водой; всем было весело, хорошо и вольготно, и никто не замечал этой мелочи. В деревне вся жизнь – сплошная пыль и грязь. Все к этому привыкают с раннего детства и думают, что всё это так и должно быть, и не догадываются, что может быть как-то иначе.

Никто не обратил внимания на пришедшего Степана к веселящейся молодёжи. Он сразу же увидел Катю в кругу подружек и вьющихся, как ужей, вокруг ухажёров. Особо выделялся Василий Луньков – известный всем доморощенный дебошир и забияка в своей неизменной красной атласной рубахе с многочисленным количеством белых пуговиц на косом воротнике. Он явно окручивал Катерину, что просто взбесило Степана. И в этот момент грянул весёлый краковяк, Стёпа прямо воспылал надеждой и решительно пригласил Катю на танец, но паразит Васька встал между ними и заявил:

– Я первый её позвал танцевать!

– Но я этого почему-то не заметил, – возмутился Стёпа.

– Заметил ты это или нет, но только танцевать она пойдёт со мной, – заявил самоуверенно Луньков, нагло хватая Катю за руку.

– Это ей решать, с кем она будет танцевать, может, она со мной пойдёт, – возразил Степан, тесня Ваську локтём в сторону.

– А я пойду с Колей, – с кокетливостью и в то же время с негодованием высказалась Катя, с силой вырывая от Лунькова свою руку.

Она гневно тряхнула головой, прервала таким образом их спор.

Девушка решительно схватила за руку опешившего от внезапного везения тихоню Андриутину, весело увлекая его в круг танцующих. А наши петушки, готовые вступить в противоборство, получив неожиданный урок, как оплётанные, остались с носом.

Придя в себя и поняв глубокое оскорбление, Луньков, как бык, проявляя недовольство, угрожающе надвинулся на Степана, прошипел:

– Ты, падлюка, когда кончишь путаться у меня под ногами? Разве ты не боишься прямо вот здесь сию же минуту умыться кровавыми соплями? Так я тебе это живо устрою!

– Свои сопли побереги! – угрюмо ответил Степан, понимая, что фортуна круто повернулась к нему, прямо можно сказать, затылком. Из-за неудачи, постигшей его только что, Стёпа,

не обиделся и даже не отреагировал на грубости и уже хотел отойти, но Васька неожиданно преградил ему путь и стал явно наглеть, чувствуя свою безнаказанность ещё сильнее:

– А ну стой, сука. Ты что не понял? Давай отойдём, я тебе покажу, падаль, как к чужим бабам клеиться! Смотрю я на тебя, гад, и удивляюсь, ходишь тут, как пан-барон. Больно много из себя воображаешь! Думаешь, если ты учитель, то тебе всё позволено?

– Давай, – небрежно, не подумав, соблюдая, однако, спокойствие, согласился Степан. – Отелло, отцепись от рубашки, порвёшь! Как клещ вцепился! Боишься упасть? Ты думаешь, я тебе испугался?

Потерпев фиаско с девушкой и видя неприятный оборот надвигающихся действий, направленных против него, уже Стёпка начал выходить из себя, терять контроль и самообладание над собой.

Они отошли за дровяную кладку и, стоя друг против друга, яростно вцепились в рукава рубашек. Степан обычно старался не ввязываться в драки, но свою честь с детства отстаивал с достоинством и, если понадобится, шёл, несмотря ни на что, до конца – пока не побеждал. Его этому научил старший брат Григорий, служивший в своё время в разведке, и их там обучали различным приёмам обороны и нападения. Вот и напросился Стёпа к нему в настойчивые и старательные ученики.

Схлестнувшись, Степан ловко увернулся и бросил Лунькова через плечо, да так неудачно, что тот рухнул на землю, как мешок с картошкой, и умудрился при этом вывихнуть руку. От боли бедняга жалобно застонал, валяясь на земле не в состоянии встать.

Стёпа растерялся. Ему стало жаль Ваську. Он помог ему подняться на ноги, но тот застонал ещё пуще и надрывнее, выказывая тем самым свою слабость и безволие.

Услышав эти стоны, прекратив пляски, вокруг собралась вся компания веселящейся молодёжи. Среди них был молодой фельдшер по имени Демидов Матвей. Он, несмотря на всё усиливающие вопли, ощупал руку и сильным рывком вставил вывих на место.

– Ничего страшного, заживёт как на собаке. Скажи спасибо, что упал не на голову, а то вправлять мозги очень трудно, особенно когда их нет, – смачно сплюнув, узнав, при каких обстоятельствах всё это произошло, съязвил фельдшер.

Демидов, деревенский фельдшер по зову своего призвания и повеления самого Господа Бога, – самоучка. Он лечил и людей и скот одинаково и одними и теми же приёмами и средствами, только в разных пропорциях, одному ему известными. У них вся семья обучалась друг у друга уже не одно поколение. Кое-какие знания они черпали из литературы, в основном же лечили травами, которые прекрасно знали и сами же ходили в известные только им места, заготавливали их со знанием дела впрок. В ход шли одновременно и заговоры. Люди им доверяли и обращались к ним за помощью, больше ведь не к кому, врач был только в городе за двадцать пять километров по бездорожью.

Рядом, чуть в стороне, стояла Катерина, грациозно опершись левой рукой на бедро. Увидев её в такой позе, Степан как-то забеспокоился, в желудке у него сразу что-то заняло и заурчало, предвещая что-то нехорошее.

Она глядела на него как бы свысока. Где-то он вычитал: «... как Клеопатра смотрела на своих провинившихся подданных». В её взгляде он прочёл непонятные чувства – не то осуждение, не то одобрительные оценки его поступку, – только нюансов, к сожалению, разглядеть он не смог из-за полумрака лунного освещения. Поэтому этот взгляд вызывал в нём явное опасение не в его пользу.

Степан был удручён и даже растерян. Принципами справедливости поступиться он не имел права, поэтому свои действия оправдывал. Ему показалось, в глазах Кати читалось осуждение и боязнь его жестокосердия. На основании вывода, сделанного им самим после содеянного, ему хотелось оправдания и ясности. Из-за недопонимания в его душе прослеживалось чувство невинной жертвы и героя победителя одновременно. Но он ведь был совсем

не такой. Это было всем известно. Его лицо выражало самую доброту. Но то, что он ввязался с Луньковым в драку, с этим сумасбродным шалопаем, наводило на мысль о его недалёковидности и недостаточном уважении к самому себе. И придя в полное соответствие своему повседневному характерному поведению, он понял, как низко пал и, самое главное, какое мнение сложится о нём у добрых односельчан. С другой стороны, он понимал, что он такой же, как и все, а может быть, даже хуже Васьки, потому, что уровень развития у них был различный, а вот поведение одинаковое, что роднило их и ставило на один уровень.

На прощанье Катерина больше обычного задержала свой пронзительный взгляд на его лице. Затем еле заметная улыбка искривила её красивые пухлые губки, и, нервно дрогнув бровью, игриво крутанув задом, громко бросила:

– Девочки, айда по домам, – резко повернулась и ушла в кругу своих подружек, оставив Степана в недоумении.

Степан не понял тогда значения её загадочной улыбки и с болью отреагировал на эту извращённую наигранную фамильярность. Только после этого какая-то таинственная холодная тень отчуждённости проскользнула в его сознании, почувствовав какой-то внутриутробный обман. Это состояние не покидало его чувства некоторое время, затем постепенно куда-то ушло, уступив место другим более волнующим мыслям. Как далёк был тогда бедный юноша от понимания женской натуры. Всё её поведение свидетельствовало о полном одобрении его поступка, её гордость за его победу и явный знак её благосклонности к нему.

«Такая нелепость, можно сказать, недоразумение, а как встревожило и насторожило её. И что она теперь думает обо мне?» – размышлял он, постепенно успокаиваясь. Отчаянность и недовольство собой и своими необдуманными действиями прорывались в душу Степы горячими волнами.

Он мог растолковать ей всё, но сделать этого он не мог по известным причинам. Получалось, что его проступок в её глазах больше порочил его самого. Она, видимо, не поймёт правильно, и не захочет его после этого больше знать, и будет остерегаться, и в дальнейшем избегать его. Вывод неутешителен: один плохой поступок – и конец всем добрым надеждам.

В отчаянии он слабо махнул рукой и быстрыми шагами направился домой. В голове роились неприятные мысли, одна безысходней другой.

«Это ж надо, пришёл звать в жёны, а получился такой непоправимый и безобразный конфуз. И какой я мужик после этого? Как же теперь отнесутся родители к этому позорному событию? Этого не утаишь, теперь вся деревня будет гудеть. Случай, можно сказать, первостатейный, есть над чем сплетничать и перемолоть каждую косточку, пока не узнают подлинности о причинах стычки. Вот так влип, позор-то какой. И что теперь делать? А-а-а... будь что будет. Семь бед – в конце скелет».

Короткая летняя ночь незаметно и таинственно таяла на глазах, гася на небосводе последние утренние звёзды; заря слегка позолотила нежно-голубой восток небес; на землю опустилась утренняя прохлада. Луга покрылись белёсым туманом, проявившимся будто из недр земли; безмолвная девственная тишина ночи пробуждалась от ночного сна, незримо нарушаясь дыханием утра.

Молодость... Клонило в дремоту. Дома, не раздеваясь, Стёпа упал на сеновале в своё логово; мгновенно провалился в бездну глубочайшего сна.

Проснулся он от жгучей боли вдоль спины.

– Я те покажу, жених, как себя вести... – причитал Анисим, нанося удары ремнём в такт каждого слова.

Сон улетучился мгновенно. Степан ловко ухватился за ремень, вскочил, резко дёрнув на себя и одновременно подставив подножку, увернулся, уступая место падающему в сено Ани-

симу. Тот кулём свалился, крикнув, будто отпрыгнул из желудка неразжеванную, застрявшую там недоваренную свёклу.

– Папань, за что? Сначала разберись, а потом и за ремень берись, – отрывистым голосом возразил возмущённый Степан, подавая руку помощи. Но увидев, что отец обиделся, к сказанному добавил: – Ничья, 0—0, – промямлил почти беззвучно растерянный Стёпа. Отец крихтя встал, поглядывая на сына удивлёнными глазами. Степан поглаживал горевшие от боли плечи, ожидая неприятностей от возмущённого отца за грубое непочтение родителя.

От неожиданности обезоруженный Анисим был обескуражен и унижен; он временно потерял дар речи. «Как это так, родной сын поднял руку на своего отца. Стыд и срам. Как теперь людям в глаза смотреть. Слава богу, никто из посторонних этого позора не видел», – думал растерянный старик. Мысли роились в его голове одна позорнее другой.

Как только он встал, его порты без ремня свалились с тощего зада прямо на сено, хорошо что у него длинная рубаха, а то ведь срам какой. Анисим от серии таких конфузов на старости лет насупился и поник окончательно. Степан подал ему ремень и отвернулся, давась нахлынувшим смехом.

– Тьфу... ещё напасть. Чего ржёшь, балбес, бесстыжие твои глаза? Там Лунчиха голосит на всю округу, собрала весь край, не протолкнёшься. Позор-то какой! Ты, говорит она, её Ваську изувечил вчера. Что скажешь на это? Да так оно и было, можешь не брехать мне, то, что ты проделал со мной, думаю, так оно и было, ему не сладко досталось от твоих забав, шалопаи безбожный!

– Папань, не верь ты ей, я защищался... и сейчас тоже. Я не маленький и не позволю лупить себя зря по рёбрам без разбора. Уронил тебя на мягкое сено, я знал, что не расшибёшься. Да и вообще, в борьбе думать некогда, делается всё автоматически, ты меня начал бить, я применил защитный приём, я даже не знал, что это ты. Папань, ты меня прости... я не нарочно. Честное слово! – он умолк, но ненадолго. – Васька первый на меня набросился, я его только оттолкнул от себя, а он нескладно упал и вывихнул себе руку. Вот те крест, правду говорю. – Он одним движением, явно не думая, осенил себя крестным знаменем.

Это, заметил про себя Анисим, он делал крайне редко. Степан говорил быстро, запальчиво, с волнением, меняя постоянно ход мыслей, горячился, чувствуя себя виноватым перед отцом. В интонации голоса, да и во всей путаной речи, особенно в последних его словах, звучала страстная убеждённость и искренность, как на исповеди.

Это окончательно успокоило Анисима, и он, затянув ремень на портах, молча спустился вниз на землю по приставной лестнице, успокоившись и простив своего любимца, мысленно обвинив себя.

По пути он самозабвенно размышлял: «Ловок проказник, как пушинку бросил. Не пропадёт парень, за его будущее я спокоен. Это работа Григория, спасибо, сынок, за науку». На сердце было легко от чувства непогрешимой невинности сына – надежды и опоры старикам в неизменно и неминуемо так быстро накатывающей старости.

Задолго до этого, будучи человеком практичным, почувствовав старческое недомогание, он продумал расклад жизни своих оставшихся дней. Ставку на этот счёт он сделал на Степана. Всё до мелочей укладывалось по его задумке: отделить старших сыновей, женить Стёпку, если, конечно, удастся, на Немковой Екатерине, дочери друга своего, с которым служили в армии в Питере. Пожить под старость тихой, мирной, старческой жизнью без этой суеты и шумной суматохи многочисленной семьи, поглаживая по головкам будущих маленьких Стёпкиных сорванцов. Сегодняшний случай он не брал в расчёт, по первости он сам спорол горячку. «Ну, негоже так поступать с таким взрослым парнем, да ещё спросонок, с его-то прытью...» – мыслил Анисим, с просветлённым лицом подходя к ревушей толпе.

Народу уже собралось прилично, и всё подходили и подходили, уже двор становился тесен. Как же – представленный давно уж никаких не было, а тут такой случай. Особенно люто-

вала Марфа Лунькова – подайте ей жертву на растерзание неугомонной толпе для расправы... А она будет с ехидством держать под надзором эту словесную экзекуцию, как вампир, с кровавой ухмылкой на сморщенном старческом лице.

Поистине нужно иметь стальные нервы, чтобы не взять увесистую дубину и не разогнать всех этих любопытствующих зевак. Но упаси Господи, нужно строго соблюдать веками сложившиеся правила и традиции отношений между людьми внутри общины, иначе не избежать пожара в самом прямом смысле.

Марфа продолжала голосить, если не сказать вопить в открытую во всё горло, чувствуя за собой силу правды, распустив по худеньким давно не мытым плечикам свалаявшие жиденькие седые с желтизной волосёнки. Она со всем усердием призывала народ к справедливости и подбивала его к бунту негодования.

Мать Степана, Анисья, дородная женщина, подперев свой пышный стан белыми оголёнными по локти руками, как скала, стояла напротив взбеленившейся Лунчихи, не пропуская её дальше во двор до прихода мужа. Она давно уже поняла цель и причину визита ранней гостью и продолжала молча слушать её брань с угрозами и оскорблениями, пока та не набросилась на подошедшего Степана с кулаками и угрожающе замахнулась. Анисья не выдержала, решительно отстранила её за шиворот от сына и, закрыв своего любимца высокой грудью, как орлица, распустив крылья, зашипела:

– Не смей... Марфа... Ты что надумала? Раздавлю! – Плюгавенькая Лунчиха мгновенно затихла, челюсть её неприятно отвисла. Она глядела на всех, ища защиту, моргая маленькими слезливыми глазёнками. – Ты что, Бога не боишься? Ты забыла, кто твой сыночек? Да он в печёнках сидит у всей деревни. Все сады и огороды пообдирал... Ты спроси у народа... – Она вопрошающе повела руками по собравшейся толпе: – Люди, мог ли мой Стёпушка напасть на твоего хулюгана? Да ни в жизнь. Он кроме добра никому дурного никогда не посмеет пожелать или сделать.

Марфа пыталась возразить, но кто-то, видимо, из её лагеря неуверенно предложил робким голосом:

– Пусть расскажет виновник, а то мы галдим, а сути не ведаем,

– Давай, Стёпа, расскажи! – предложил Кузьма Соловейка, с шерстистыми бровями горшечник, мастер по изготовлению глиняных поделок, которые никто не покупал из-за их кособокости, некрасивого вида и аляпистости. Но его упорство, с каким он старался исправить свои просчёты, делало ему честь и надежду, что Кузьма завоюет рынки своим товаром.

Толпа медленно отступила от Степана, образуя кольцо вокруг парня. Эта свободная полоса стала непреодолимой гранью между им, Степаном, и обществом с любопытством и недоумением смотрящих на него односельчан. Внутренняя неловкость, сложные чувства тревоги и обеспокоенности проникли в душу молодого человека. Обида вырывалась наружу, но предстоит ещё доказать всем, кто ты на самом деле.

– Во-первых, здравствуйте, граждане, – поборов себя, приветливо заговорил Степан, – а во-вторых, я вижу среди собравшихся подлинных свидетелей, которые видели своими глазами, как Луньков Василий, сын уважаемой Марфы Ксенофонтовны, напал на меня первым. Например, Макридина Полина, Брытчикова Таня, Хаваева Антонина и многие другие. Я расскажу вам, как на исповеди. Вчера на вечеринке я пригласил девушку потанцевать, а её сын Василий, – Степан указал раскрытыми ладонями в сторону Марфы Луньковой, – схватив меня за рукав, потребовал отойти и поговорить с ним с глазу на глаз. Я, к своему сожалению, согласился, думая, что разговорами всё и закончится. Но не тут-то было. Как только мы отошли, он набросился на меня и стал валить на землю. Сами понимаете, как это бывает, мне пришлось невольно обороняться. В результате потасовки я неудачно оттолкнул его, он не устоял на ногах, упал и вывихнул себе руку. Вот так всё и закончилось. Мне очень жаль, что так получилось, я корю себя в этом. Сразу же я помог ему встать, фельдшер Матвей Григорьевич вправил вывих

и пообещал, что плохого ничего не будет. Свою мать, видимо, он обманул, неправильно проинформировал, отчего сейчас и происходит данное недоразумение.

Закончив свою речь, Стёпа обвёл глазами собравшихся односельчан и попросил высказать своё мнение свидетелей, видевших этот инцидент. Его рассказ подтвердили многие участники вечеринки, присутствующие здесь. Следом за ними напросился высказаться Анисим, к этому времени уже полностью овладевший собой:

– Граждане, мои дорогие соседи, картина нам станет совсем ясной, если мы послушаем другую сторону – сына гражданки Луньковой, Ваську, – и спросим у него заодно, когда он возьмётся за ум и перестанет пакостить людям?

– Правильно... правильно... позвать, – загудел народ.

– Ну, вот, слышишь? – обращаясь к Луньковой и одновременно к людям. – Мы вас ждём, а ты иди за сыном, люди хотят видеть его и поговорить с ним. Раз ты затеяла эту свору и хотела найти сочувствие и поддержку у народа деревни, иди за сынком и представь его, будь так добра, перед собравшимся здесь честным обществом. Поступаться принципами мы не будем.

Лунькова, почувствовав полный провал и надвигающийся конфуз, потупилась, но видя, что деваться некуда, уныло побрела через луг к своему дому; он виднелся на другой стороне за поворотом речки на возвышенности, выделяясь покосившейся изгородью и заросшей с задней стороны дома густой порослью вишни.

Когда необходимое время ожидания прошло, обманутые люди, покивав недовольно головами, погалдев на прощанье, разошлись; в очередной раз они убедились в мудрости коллективного разума не только в труде, но и в политике и во многом-многом другом.

Позже выяснилось, Васька сдрейфил, пообещав матери прийти позже, а сейчас ему, мол, нужно показаться фельдшеру, что плечо у него сильно распухло и болит.

Видимо, оно так и было, но его прежние проделки помешали ему прямо и честно посмотреть людям в глаза, поэтому он и не пришёл – посовисничал. Значит она, разнесчастная совесть эта, всё-таки у него была, а следовательно, он в то время был ещё небезнадёжен. Хотя исправлять его скверную натуру было практически невозможно. Правда, был один вариант – вовлечь его в какое-либо трудное и достойное мероприятие, например, армия, путешествия, археология. Но кому это было надо, людей в стране недостатка не было, проще избавиться от таких уродов, как говорил один из вождей: «Нет человека – нет проблем!»

Спустя время фельдшер рассказывал, что приходил к нему Василий, принёс десяток яиц в оплату за лечение, он ему сделал компресс, изготовил подвязку для руки из лыка и пообещал, что через недельку—другую, он будет здоров. Так дело это и закончилось, наделав много шума и пересудов в деревне, взбудоражив ненадолго людей. Пустил по деревни, как говорят, свежую струю перетолков, обрастающих всё новыми и новыми подробностями, коих на самом деле никогда и не было, а если и были, то совсем в другом порядке.

Стёпке же это событие прибавило престижа и популярности, особенно среди молодёжи, и милых улыбок при встречах с девушками. Он стал именит и среди уважаемых граждан. А старушки стали обращаться к нему не иначе как по батюшке – Анисимович. Долго это смущало его, постепенно привык и не обращал внимания. Спустя время, когда всё подзабылось, это Анисимович превратилось в дворовое прозвище, прилепившееся к нему, как бадюлька.

Но дело это закончилось не так, как бы хотелось Степану. Когда весть о стычке учителя младших классов при всём честном народе с Василием Луньковым дошла до ушей заведующей школы Янины Самойловны Пивоваровой, она восприняла это как личную пощёчину, как удар по престижу всей образовательной системы. Но прежде чем применить карательные меры, она решила сама во всём разобраться детально. С этой целью она во второй раз направилась к дому Луньковых. Ей даже стало интересно уяснить, кем на самом деле является Степан – пролетарием или отъявленной контрой.

Старушка-мать Васьки уже отчаялась ждать справедливости от Господа Бога, обрадовалась, увидев, наконец, перст Божий.

– Заходи, голубушка, заходи, родимая, нет нам утешения и защиты от обидчиков, кроме тебя. Всё потому, что сама видела в своей жизни много горя и обид несправедливых... – запела Марфа Ксенофоновна, не давая гостье вставить слова.

– Рассказывайте, что стряслось у вас опять.

– Как же, как же расскажу, с превеликим почтением расскажу. По-другому и быть не должно, – затараторила Лунчиха, собираясь с мыслями.

– Ну, так я слушаю, – кончилось терпение Пивоваровой.

– Что тут слушать. Мы люди простые, бедные и необразованные, нас может обидеть всяк, кому не лень. Учитель-то школьный, что он удумал: приревновал девку Васи и избил его до полусмерти, сделал инвалидом – вывихнул руку, да так, что работать он не может до сих пор. А я что? Старая я и наскрость больная. Какая с меня работница. Доченька у меня на руках, убогая от рождения. Калекой народилась, стало быть, тоже забота, да ещё какая: и умыть, и накормить, и приглядеть... Васятко, сынок мой единственный, жениться бы ему, да какая дура пойдёт за нищего.

– А муж где ваш? – спросила Янина на всякий случай.

– Взяли его в солдаты, так до сих пор где-то и пропадает.

– Это как понять где-то. Войн наша страна в настоящее время нигде и ни с кем не ведёт.

Выражайтесь, пожалуйста, ясней.

– А кто ж его знает, где он. Повестки о гибели не получали, и живым не объявляется. Может, бросил нас, а может, в плену где мается. Одному Господу про это известно. Так он же молчит. – Она торопливо перекрестилась, глядя на чёрную закопчённую доску, на которой ничего не было видно.

– Ладно, разберёмся. Если ваш сын не виноват, то учитель будет строго наказан. Об этом, будьте покойны, я, как заведующая школой, позабочусь лично. Наказание будет суровым и адекватным, – она закончила эту мысль и, задумавшись на минутку, продолжила. – Но у меня возникают сомнения в добропорядочности вашего сына. Два случая, которые я знаю, и в обоих он предстаёт не в благовидных примерах.

– Ну, я не знаю, уважаемая заведующая школой, кто вам там наговорил про Васятку такой брехни, но сынок мой единственный, последняя моя надежда...

На следующий день после окончания занятий в школе в учительской комнате Янина Самойловна молча сидела за своим письменным столом в позе нахолившейся курицы, о чём-то напряжённо думая.

«Обмозговывает стратегические планы», – решил Степан. Без должной надобности он никогда первым не затевал с ней разговора на темы, не касающиеся школы.

В следующее мгновение Янина Самойловна резко встрепенулась от оцепенения. Вытащила маузер из кобуры и, положив его пулевым отверстием, направленным на Степана, каким-то ледяным голосом сказала:

– Степан Андреевич, я требую чётких разъяснений вашего позорного поведения, которое негативно сказывается на репутации школы и вашей личной, как учителя!

Здесь она шумно выдохнула скопивший воздух из своих лёгких и перевела дыхание, по всему было видно, как трудно ей даются эти разоблачения, которые, по её первоначальному заключению, могут привести к тяжёлым последствиям.

– Во-первых, почему вы ввели меня в заблуждение по поводу ваших отношений с дворянином, по сути, врагом советской власти – Музальковым? Во-вторых, вы избili ни в чём не повинного Василия Лунькова. Как вы посмели так поступить, не подумав при этом о престиже школы? Мне непонятно, кто ты? Ты пролетарий или продавшийся врагам революции контра? Твои действия подпадают под подозрение в государственной измене. Я выведу

сегодня же тебя и твоих окопавшихся здесь в глубинке дружков на чистую воду. Имей в виду, если потребуется, я приведу в исполнение немедленно свой приговор!

Последние слова она прокричала так громко, даже закашлялась, хватаясь за маузер.

Степан на эти нелепые обвинения не повёл даже бровью. Он медленно встал, налил из глиняного кувшина воды и подал разъярённой коллеге. Она, наблюдая за ним, отстранилась на шаг, опасаясь нападения. Степан же ничего плохого не помышлял. Он смекнул, что, обладая только одной рукой, для того чтобы взять кружку с водой, ей необходимо положить маузер на стол. Тогда он неспешно поставил кружку прямо перед Яниной Самойловной, неторопливо с достоинством развернулся и уселся на табурет возле своего стола, простодушно и без эмоций стал смотреть на собеседницу. Видя, что никакой угрозы не предполагается, женщина, не сводя глаз с сидящего Степана, положила своё оружие и стала маленькими глоточками, покашливая, пить воду. Напившись и прокашлявшись, она вновь овладела маузером и с той же решительностью потребовала:

– Выкладывай свои объяснения!

Степан был озадачен таким отношением к нему со стороны работника просвещения, но так как он предчувствовал этот разговор, то ответ давно лежал на поверхности его сознания.

– Уважаемая Янина Самойловна, своими вопросами вы подтверждаете свою некомпетентность в ведении дел криминального характера. Вы обратились к тем свидетелям, которым нужно выгородить себя, имею в виду обелить себя. Разве у нас в деревне мало порядочных людей, чьи объяснения дали бы вам исчерпывающую информацию ситуации в самых правдивых тонах? Единственное, в чём я себя упрекаю, так это в том, что поддался на провокацию Лунькова. Я пригласил девушку на танец, а он вцепился мне в рукав и не давал танцевать. При этом он грубил и сквернословил. Я оттолкнул его, он упал и вывихнул руку.

Второе, в отношении Музалькова-дворянина. Дворянство получил его прапрадед за героизм в борьбе с Наполеоном. Привилегиями их род никакими не пользовался. Крепостных у них не было, поэтому эксплуатировать они не имели возможности, даже если бы и пожелали. Зарабатывали на жизнь всегда своим горбом, как и все остальные крестьяне деревни. Что же касается лояльности советской власти, то я скажу вам, неизвестно где до сих пор находится муж Марфы Луньковой. А вот сын Музалькова погиб в Туркестане под знамёнами пролетарской революции. А напоследок я вам скажу – не ищите врагов среди порядочных людей, и отчество моё не Андреевич, а Анисимович.

Выслушав ответы Степана, Янина Самойловна покраснела и долго сидела безмолвно, уставившись в одну точку. Затем встала в каком-то замешательстве, вложила маузер в кобуру, зачем-то потрогала его, убеждаясь, что он на месте, и медленно двинулась к выходу, шепча:

– Паразиты!

– Янина Самойловна, послушайте меня ещё немного. Не торопитесь с выводами, может, я действительно контра и обманул вас. Поговорите с народом, уточните все подробности, и вам станет легче принимать решение. Вообще-то, на вашем месте, я плюнул бы на Ваську, просто вычеркнул его из списка своих знакомых и забыл навсегда. Эта неисправимая мразь сидит в печёнках у каждого жителя деревни. Василий Луньков ни в коей мере не опасен государству, тем более не представляет никакой угрозы ему. Он просто мелкий хулиган местного масштаба, не встретивший до сих пор ни с чьей стороны отпора, поэтому и считает себя неотразимым. А вы, не разобравшись, решили покровительствовать ему, подставив своё честное имя.

Весна устойчиво и без сюрпризов закрепляла на земле законные права. Наступили летние школьные каникулы. Сады покрыли свои кроны бело-розовой дымкой, в поле, на лугах и полянах, пестрели ковровые россыпи дивных цветов, испуская божественные ароматы. Гудение пчёл настраивало рабочий люд к весенне-полевым работам. Лес стал неузнаваемым, буйная зелень будоражила душу. Весна проникала в сознание необузданными чувствами, при-

зывая к чему-то таинственному, непознаваемому, которое природа хранит в своих тайниках и боится раскрыть неподготовленному человечеству.

Подросла пора приёма детворы в первый класс. В этом году в школе уже будут учиться три класса учащихся. Предстоит преодолеть новые трудности. Учителей в штатном расписании школы всего двое.

Прошло совсем немного времени, и Степан встретился с Луньковым Васькой в Филиных лугах, возле дубов. К тому времени он уже был здоров и, видимо, готовил свои новые и, как всегда, коварные замыслы. С добрыми намерениями Степан подал ему руку в знак приветствия и примирения, но Василий повёл себя неподобающе фривольно, напыжился и гневно ответил:

– Ты ещё будешь обливаться кровавыми слезами, запомни, сучонок! Ты мой злейший враг до конца моих дней. Я не успокоюсь, пока не плюну на твою могилку!

Степан не стал на дерзость отвечать дерзостью. Он не хотел за своей спиной иметь врагов и хотел только одного – только примириться с Луньковым, тем более ссора произошла из-за сущего пустяка.

– Ради чего ты превращаешь свою жизнь в кошмары? Не проще ли радоваться ей. Относь к людям по-доброму, с уважением, тогда и тебе будет радостно и легко. Пойми, сила правды всегда выигрывает. В жизни может случиться всё, давай забудем наши разногласия и станем, возможно, не добрыми друзьями, а хотя бы не врагами. Я сожалею и прошу...

– Да пошёл ты... совет... чик, – грубо прервал он Степана на полуслове.

– Или ты уничтожишь в себе это непомерное зло, или оно прикончит тебя в самый неподходящий момент, – посоветовал Степан на прощанье, понимая, что с этим человеком разговаривать бессмысленно

После этого Луньков в сердцах сплюнул чуть было не в лицо Стёпке, быстро развернулся и с глубоким пренебрежением зашагал своей дорогой, увязая по щиколотку в тёплой дорожной пыли босыми ногами. Так они и расстались непримиримыми врагами... до конца дней оставшейся жизни.

Через неделю, закончив обход деревенских хат крестьян и переписав всех детей семилетнего возраста, способных учиться в первом классе, составили отчёт годовой работы школы. Янина Самойловна выехала со всей документацией на попутном гужевом транспорте в районный центр.

Степан провожал её от школы до Трушкина дома – мужика, который на своей телеге любезно согласился подвезти учительницу до райцентра.

– Степан Анисимович, вы тут остаётесь главным. Думаю, справитесь. Немного подремонтируете школу. Со своей стороны я посодействую оказать вам помощь из центра стройматериалами. Я поживу у сестры в городе. Устала я, скажу вам откровенно. Годы, проведённые на фронтах, приучили меня смотреть на людей совсем иными глазами

– Я вас понимаю, уважаемая Янина Самойловна, – вставил своё слово Степан. На самом же деле он сожалел, что молодая женщина, увлечённая круговоротом военного времени, потеряла всё – надежду, здоровье, молодость и, самое главное, доброту и доверие к людям. Сердце её ожесточилось, общество в её понимании разделилось на белых и красных, на добро и зло. Она твёрдо уверовала в то, что груз ответственности за всё происходящее возложен на её плечи.

– Там всё просто, – продолжила девушка, – сразу видно, кто перед тобой, враг или друг. Как с ним поступить – ясно и понятно. Чем меньше врагов, тем легче будет строить светлое будущее. Мой самый надёжный товарищ – это мой маузер, подарок моего мужа и командира, павшего на Перекопе.

– Сочувствую вам...

– Здесь... очень трудно разобраться. Контра притихла, смешалась с пролетариями. Поди разберись! Вот и тебя недавно чуть не грохнула. Ты уж не обижайся. Время сейчас такое: лес рубят, на щепки не смотрят.

– Да, Янина Самойловна, при таком великом деле людскую кровушку не меряют кружками...

– Некому мерить, она льётся реками и будет литься, будьте уверены, пока не установим крепкую власть мирового пролетариата.

Лошадь нетерпеливо размахивала хвостом, отгоняя мух, стояла, кося свой карий глаз на гостей.

– Долго спим, граждане хорошие, здесь деревня. По холодку уж были бы под Юровом, – сердито встретил Трушкин подошедших просветителей будущего поколения.

Проводив Янину, Степан направился домой в глубоком раздумье. Ему стало страшно оттого, что вот такие революционеры разгуливают по земле с оружием и решают судьбы ни в чём не повинных доверчивых людей. И предпринять в их защиту никто ничего не может, ибо сам защитник сразу же бездоказательно попадает в разряд контрреволюционеров.

Глава вторая

Кошмарные грёзы любви. Горе-женихи

Неприятные воспоминания уплывают из памяти, как мрачные тучи из необъятного лазурного небосвода, только досадный горький осадок не даёт покоя, коробит иногда душу почти всю жизнь. Анисимович, как теперь звали Степана, чувствовал неладное в своём неудовлетворённом, не знающем покоя сердце. Словно на распутье, запертый в железной клетке, метался он в своей тоске о несбывшейся любви. По всем признакам поведения парень созрел, а если выразится проще – влюбился впервые, не осознавая этого. Тоскливая грусть и хандра безответной любви овладевала им всё с большей очевидностью. Он потерял аппетит, похудел, осунулся, помрачнел, ни с кем не общался на вольные темы, только по делу, да и то однозначно, немногословно.

Мать сразу забеспокоилась, заметив это. «Не сглазил ли кто? Ведь завистников у него в округе, как нерезанных собак, хоть топи в болоте», – думала она.

– Да что ж с тобой, сыночек, не заболел ли ты, – ласково спрашивала, прижимая его золотокудрую голову к своей груди. – Не сходить ли нам к Фёкле-ворожее, может, порчу какую недруги проклятушие наслали, – причитала перепуганная мать.

– Угомонись ты, мамань, всё со мной в порядке, – в тон ей отговаривал её Степан, но признаться в своём мнимом недомогании он, по известным причинам, не мог.

Всё в его озабоченном сознании было переполнено единственной и ненаглядной: «Где она? Что делает? Взглянуть хоть бы одним глазком, – мысли роились в голове только о ней, забывая все другие только ею. – Катерина – девка видная, только и слышишь эти пугающие намёки, что кто-то опередит, посватает раньше. И прощай тогда всё».

Немковы жили справно – обособленно, на хуторе, вёрстах в трёх от Стёпкиного дома, в Дуброве. Там одна природа чего стоит – обширная поляна площадью сотни гектаров, покрытая луговой шелковистой наощупь травой, мягкой и сочной. Чистые голубые озёра, на поверхности которых живут и размножаются дикие непуганые птицы всевозможных пород. Скота у них полный двор, большой сад, пасека. В подвале под домом всевозможные припасы – от солёных рыжиков до медовухи, не считая овощей и фруктов в солёном и свежем виде. Как же без этого и жить и работать на земле – просто невысказано, и праздник не праздник, и будни не будни. Два сына да две дочери-красавицы на выданье, подпирают одна другого. Женихи кругами ходят, один ушлей ушлого; Матвей Иванович, отец Катеньки, не торопится, выбирает, не ошибиться бы.

Не ведает он, глупец, о том, что карающий меч революции уже занесён над его невинной головушкой. А пока всю ширь по всей стране расцветала буйным цветом, пуская глубокие корни, Новая Экономическая Политика. У людей появился достаток, все сыты, работают крестьяне не покладая рук – надрывают пупки.

Заглянув за занавес недалёкого будущего, мы, с глубочайшей печалью и горьким сожалением констатируем – крепкое хозяйство разграблено, а злейшего кулака Немкова Матвея Ивановича и его сыновей бросят на растерзание классового беспредела. В результате очередного грабежа лучшая трудовая часть крестьянства физически уничтожена. Другая превращена в бесправных рабов, и сельское хозяйство будет подведено к постепенному угасанию и деградации, в дальнейшем, как следствие, к голоданию народов. ВКП (б) развернуло бурную деятельность по ликвидации трудового крестьянства. Аббревиатура ВКП (б) расшифровывалась в то время так – Второе Крепостное Право большевиков.

Жена Немкова – Анютка, красивая, черноглазая, наливающая соками соблазнов женщина строгого нрава, хозяйка рафинированная с монгольским душком – с её стола крошки не пропадёт. Через её руки прошли все работы, все заботы, всё управление ими. Короче говоря,

эта женщина обладала аналитическим умом. Она руководила семьёй так мягко, так незаметно и тактично, человек с большим удовольствием исполнял ту или иную ею задуманную работу, предполагая, что он автор этой задумки.

Добро накапливалось незаметно. Жили тихой, обыкновенной, извечной жизнью крестьян, отпущенной им Отцом нашим – Владыкой Вселенной – по трудам их и заслугам.

Лёжа на душистом сеновале, Степан глядел полузакрытыми невидящими глазами в ночное небо, которое заполнял образ его Кати, единственной для него и желанной.

Свет холодной луны отбеливал её прекрасное личико, на котором блуждала её милая улыбка. Стёпе грезилось невероятное – безумные ласки и страсти, от которых всё его тело покрывалось испариной. Ему становилось неудобно и даже стыдно, и казалось, что это вовсе не он, а кто-то другой.

Луна медленно уплывала в изумрудное марево безмятежного сна, навевая грёзы сладких видений. Он летел тихо в тёплой ночи рядом с Катей, нежно и бережно прижимая её к себе, боясь утратить. Её тело было невесомо, будто соткано из туманных грёз, укутанное в вуаль прозрачных шелков. Вот они медленно втянулись в бледно-сиреневую туманную дымку облаков и стали тонуть в волнах неведомых страстей. Её нежные губки трепетно обволакивали его сознание волшебными чарами. Она невероятным образом извивалась вокруг Стёпы и лёгкими касаниями своего божественного тела приводила в дрожь и трепет весь организм. Страсть её любви он ощущал всеми фибрами своей души. Они сливались в животворное единое дыхание, становясь целостным организмом. В круговерти сладостных пируэтов их тела уносились всё дальше и дальше к сияющим звёздам на величественном серебре небосвода. Головокружительная высота делала душу Степана восприимчивой к волнующим тайнам любви, раскрывая всю прелесть её многогранности. Бездна необъяснимых желаний и возбуждающих страстных вожделений завораживала и витала радужными огоньками вокруг, обволакивая и маня их ещё дальше в сладостную даль.

Вздрыгнув, Степан пробудился. Он настолько был ошарашен этим гипнозом грёз, что, открыв глаза, долго ещё блуждал в лабиринтах видений, пока не обрёл в сознании чувство реальной жизни.

Деревья переливались мириадами радужных искорок и блёсток холодного света от капель утренней росы в сиянии волшебной зари.

«Откуда весь этот бред?» – подумал в замешательстве Степан и в следующий миг ухмыльнулся, вспомнив.

В бывшем помещичьем доме по-прежнему работала изба-читальня; заведовать этим источником знаний поручили, на общественных началах, Анисимовичу. Открывалась она по вечерам после работы. Летом очень редко, но зимой почти каждый вечер. Там для всех желающих читали газеты, просвещали политграмоте, особенно разъясняли политику рабоче-крестьянского государства.

В самом конце вечера оставалось время для коллективного чтения беллетристики – художественной литературы в прозе: романов, повестей, рассказов. От прочитанного текста у слушателей голова шла кругом, как от хмельного зелья. Взбудораженный мозг не успевал переварить непотребные доселе, крамольные мысли чуждых направленностей. Они узнавали немислимые для их воображения отношения между мужчиной и женщиной как бы с порочной, постыдной, упаси Господи, для их понимания стороны. До сих пор эти отношения были ясны как божий день – женитьба, семья, дети. А здесь в открытую, без зазрения совести пишут такую непотребщину, которую и в мыслях повторить стыдно.

Оказывается, в жизни есть и другие понятия, такие как любовь и измены, неверность и страсти, флирты и переживания, страдания и предательства, соблазны и многое-многое другое. Если правде смотреть в глаза – не всё было, конечно, для них ошеломляющим открытием; в подсознании ещё от пращуров был кое-какой опыт, который нужно было держать в глубо-

чайшей тайне. А тут с плеча рубят, невзирая на совесть. После этих знаний, вернее, открытий, некоторые задумывались о разнообразии жизни на земле и месте литературы в ней. Степан брал книги домой и читал запоем, каждую свободную минуту.

«Вот откуда эти бредовые сны», – думал он, потягиваясь в постели на душистом сене, разминая затёкшие члены и позвоночник после сна.

Влияние запада не только через литературу, но через побывавших там туристах, что тлетворно сказывалось на умах российских народов. Поэтому большевики, придя к власти, постепенно окружили Россию железным занавесом и запретили людям посещать западные страны.

Было ещё слишком рано – веяло свежестью и утренней прохладой. Голову ещё кружили ночные грёзы. «Как они были сладки, эти упоительные мгновенья. Вот бы так взаправду. Отдал бы все, и даже свои новые яловые сапоги!»

Эта пылкая, сводящая с ума, умопомрачняющая женская плоть, которая делает взрослого мужчину безвольной тряпкой, всецело впитывает тебя целиком без остатка, стараясь полностью или частично поглотить и уничтожить. Ты готов отдать всё, в награду ты будешь одарён бесконечным блаженством невиданных утех. Эти чувства врываются в тебя взрывной волной необузданных страстей и остаются в твоей душе, в твоих воспоминаниях, как самое яркое и волнительное состояние, зовущее забыть навсегда в этом иллюзорном сне. В сознании ещё что-то колеблется и трепещет, но день уже врывается полновластным хозяином в его сознание. Его неудержимый напор, заполняя собой все его помыслы совместно с теми обязательными планами, уготованными тебе повседневной и нудной обязаловкой, называемой жизнью, не отложить и не умерить, хочешь этого ты или нет!

О, женщина!.. Ты святое совершенство и моё распятие! Ты источник и дарительница жизни на земле, её созидательница и хранительница! Только с тобой оживает любовь, и всякий раз по-новому ощущаешь её полноту и целесообразность; ты источник радости и цветения на грешной земле, её гармония, величие, счастье и её одухотворение.

Рассвет занимался всё отчётливее золотистыми отблесками по щедрым россыпям росистых трав. Трепетную тишину утра стали нарушать звуки деятельности пробудившегося человека. Послышалось монотонное цвирканье струй молока о подойник, резкое хлопанье крыльев, будто кто-то усердно выбивает пыль в них, и следом разудалое голосистое пение бойкого петуха, глухие нетерпеливые стуки животных копытами о деревянные стенки перегородок, настойчивое бляение овец, голосистый гогот засидевшихся в загоне гусей, нудное кряканье уток – все домашние твари, большие и самые маленькие, требовали своего: внимания к себе человека, немедленного выхода из хлева на волю и утреннего кормления.

Выкатилось солнце; гаснут блёстки на исчезающей росе; туманная дымка испаряется в лучах светила, поднимаясь к небу, становясь уже совсем невидимой для глаза. Тепло утреннего солнца усиливается, и кожа на теле чувствительно нагревается, ультрафиолетовые лучи обжигают участки кожи, попадающие в их сферу.

«Если отец хочет меня женить, то нужно действовать. Поэтому необходимо позвать её замуж! О любви нужно говорить сразу. Для этого нужно только встретиться и договориться», – решительно настраивал себя мысленно Стёпа. Он ловко соскочил на землю и пробрался в хату, где около печи орудовала рогаками мать, готовя пищу всей семье на весь день.

- Мамань, – вполголоса позвал Стёпа, – маманя, я отлучусь... схожу в лес... по грибы.
- Стёпушка, ты хоть молочка попей парного, только подоила.
- Хорошо, давай выпью, – наскоро, залпом выпив молоко, направился к калитке.
- Стёпа, чой-то ты темнишь, сынок, лукошко для грибов чо не берёшь?
- Ой, забыл, – весело хохотнул Стёпка и скрылся за калиткой.

Он быстрыми шагами измерял расстояние до Дубровы, где жила Катерина. Всю дорогу в голове у него зрел план действий: о чём будет говорить, как нужно себя вести, что обещать, чего нет и тому подобное. Голова переполнена путаницей мыслей, сердце так бьётся и ноет,

что он начал тихо бредить: «Схожу с ума! Скрывать эти муки сил моих больше нет. Любовь – это радость, но и не только, это острое непомерное чувство потребности и неудовлетворённости – безмерная пытка. Слабый влюблённый, не найдя ответных чувств, вероятнее всего, может погибнуть в её нежных железных объятьях. Нужно быть сильным в этой схватке. Непрístupная крепость должна рухнуть под натиском красоты помысла и веры, силы и мужества, уверенности и любви. Господи, что я несу? Какие скалы, какие крепости? Зачитался». Дальше шагал молча и сосредоточился на предстоящей встрече. «Нужно вести себя правильно, не оплошать, быть уверенным и учтивым, ну и, конечно, вежливым, умело обороняться и ни в коем случае не сдаваться». Весь свой путь он проделал по лесным тропинкам, проторённым коровами. По пути Степан подмечал в тенистых хвойниках колонии молоденьких поблёскивающих в росе шляпками маслят; под юными белоствольными берёзками и корявыми дубами прятались под травами и мхами боровики, подосиновики и подберёзовики.

«На обратном пути подберу», – думал мимоходом Степан. Вот и дом Катерины.

Незадолго до прихода Степана Матвей, отец Кати, вышел на природу по нужде, неторопливо присел, опустив штаны. В густых кустах ивняка у него для этих целей была вырыта яма и обвита плетнём из растущих тонких ветвей ивняка.

Вскоре он увидел крадущегося Степана. Метрах в двадцати от него он остановился. Подозрительно огляделся, залёг в густой кустарник, притаился. Ошарашенный Матвей, затаив дыхание, с недоумением и возмущением стал ждать развязки, позабыв о своём деле.

«Не ожидал я от Степана этого», – подумал Матвей. А чего этого, он не знал и не мог даже предположить, потому что Степан был у него первым кандидатом в мужья Катерины.

Не прошло и двух минут, как вновь затрещали кусты, озираясь и пригибаясь к земле, прошёл, кто бы вы думали, – Васька Луньков. Матвей озадачился до отупения, а Стёпа отметил про себя: «Ещё один воздыхатель явился».

Все сидят, затаившись, чего-то ждут. Время идёт, а неудобная поза отца Катерины становится ему уже неважно. И вот эта разгадка наступила – со скрипом растворились ворота, и Катерина вывела корову, привязанную за рога верёвкой. Она прошла по седому от росы лугу босыми ногами, оставляя в нём след, в нескольких метрах от притаившихся в кустах гостей, не заметив их. Привязав верёвку к колу, забитому в землю, она ласково погладила корову по шее, направилась к дому. В этот момент Васька выпорхнул как ни в чём не бывало из своего укрытия и пошёл нахальным образом наперерез Катерине. Не доходя несколько шагов, он весело изрёк:

– Здравствуй, уважаемая Катерина Матвеевна.

От неожиданности она вздрогнула и, взглянув на него, остановилась.

– Ты откуда в такую рань? – прозвучал её звонкий, волнующий, как колокольчик очаровательный, слегка настороженный голосок. – Испугал, негодник, до...

– Ищу телёнка, – дерзко соврал Луньков, – вчера куда-то сбежал. Ты не видела?

– Нет, не видела. Что он, с крыльями, такое расстояние перелететь? Не было здесь никаких телят, – успокоившись, с ухмылкой ответила Катя и попыталась уйти, но Василий загордил собой её отступление к дому и, подойдя совсем близко и взяв её за локоть, чем очень встревожил Степана, отчего тот слегка приподнялся. Это не без удовольствия отметил как положительный факт сидящий всё в той же неприличной и уж совсем неудобнейшей позе Матвей Иванович.

– Послушай... это самое, ответь мне на один вопрос, – Катерина при этом дёрнулась, освобождаясь, давая тем самым понять, что такие вольности ей совсем не по нраву. – Только на один...

– Хорошо. Я слушаю тебя, – спокойно с явным любопытством глянула она ему в глаза, останавливаясь, ожидая его объяснений.

Он продолжал мяться, не решаясь высказать своё сокровенное, накипевшее на душе.

– Пойми меня, это самое... я хочу жениться... стань моей... женой? А? – пролепетал Василий. У него был такой жалкий, обречённый вид, будто он знал ответ заранее. Катерина от неожиданности растерялась, немного подумав, ровным голосом сказала ему:

– Вася, жениться тебе ещё рано. Ты даже собой не можешь управлять. Ты парень красивый, стройный, но я, откровенно, боюсь тебя. В постоянном страхе за себя и своих будущих детей я не хочу провести свою жизнь. Решать не мне, иди к моему отцу, он тебе даст точный ответ. А я говорю тебе честно, без обид – нет, никогда нет! – с горячностью заявила Катя и убежала.

– Всё равно будешь моею, – крикнул вдогонку Луньков и тише добавил: – Не хочешь похорошему, будешь по-плохому, это я тебе гарантирую, сучка.

Эти злобные угрозы услышали и Степан, и Матвей Иванович. Однако, выводы сделал каждый свои. Постояв немного, Василий круто развернулся и побежал в сторону Сдесловки. Следом вроде незамеченным удалился и Стёпа.

А уж как был рад Матвей Иванович, ему открывалось широкое поле для завершения его уже совсем незавершённого, не терпящего отлагательств дела...

Обозлённый Васька от обиды за неудавшееся сватовство мчался домой не чувствуя ног до тех пор, пока не запыхался и не выбился из сил. Свернув с тропы и увидев зелёную полянку, он упал с разгону ничком в душистую траву и, уткнувшись носом в землю, горько разрыдался.

Постоянные неудачи, срывы в работе, вечное ворчание и недовольство матери, бедность – всё это складывалось в кучу проблем, которые выводили его из равновесия и мешали быть уверенным и не злиться, не дерзить, чтобы казаться человеком, с которым нужно считаться.

– Бедность! Да, да – бедность, именно бедность, вот причина по которой она не захотела быть моей.

Он сел и, уставившись в глубину леса невидящими глазами, долго сидел молча. Потом злорадно улыбнулся, вскочил на ноги и злобно сказал вслух:

– Ну, что ж, я уравнию вас с собой!

Круто развернулся и решительно зашагал домой.

Глава третья

Заговор в семье Немковых. Ранение Степана. Операция

– Так это женихи! А я-то, дурень, подумал воры. Ха-ха-ха, – веселился Матвей, вспоминая разыгравшую только что перед ним трагикомедию. – Ну и... позабавили... сукины дети.

– Ты это чо веселишься? – пристала с расспросами жена.

Он вполголоса, озираясь, боясь, чтобы никто случайно не подслушал и не раскрыл его тайну, поведал ей о случившемся.

– Дочь-то выросла. И такая ладная получилась, – рассуждал с задумчивой улыбкой Матвей, глядя на жену, пытаясь обнять её с озорством давно ушедшей удалы.

– Девка созрела для замужества, – поддакивает в такт ему Анютка – жена его, уклоняясь от его ласк – «лобзаний», как она в шутку называла это, которые ни к чему путному не приведут, кроме разочарований и мыслей о, считай, прожитой жизни.

– И в хозяйстве не уступит взрослым, и по дому кого хочешь заменит. Что говорить, не опозорит, – заключил хозяин, глядя влюблёнными глазами в чистое, моложавое лицо своей жены: – А что с женихами? Ваську ни в какие расчёты брать не будем – шалопаи и бездельники, как ни крути. А вот Степан кандидатура подходящая. Парень, достойный нашей Катюхи.

– И я одобряю, – поддакнула Анютка. – Умён, работы не боится. Думаю, что в деревне он не задержится, в город подастся. Надо поинтриговать это дельце. Степан, при всех его качествах, больно стеснителен. Подтолкнуть надо незаметно. Сегодня у нас что, пятница? Пошлика в воскресенье сына с Катериной в читальню. Там, даст Господь, они и свидятся.

Она набожно перекрестилась, благословляя таким образом задуманное. Не откладывая в долгий ящик, Матвей Иванович позвал Семёна, старшего сына своего, и приказал:

– Сеня, сходи, Господи, когда это уж у нас воскресенье будет, ага, через два дня, так вот в воскресенье в эту самую... в избу-читальню вместе с Катюшей и узнайте свежие новости: что на божьем свете творится, что говорят в миру люди. А то мы тут на хуторе совсем заплесневели, скоро и паутиной покроемся. Освежи свой кругозор, если сказать одним словом, да и себя показать нужно сельчанам. Совсем тут затухли.

– Батя, что ты меня за полудурка принимаешь?

– Зря ты себя не уважаешь, – с усмешкой посмотрел Матвей на сына.

– Хорошо, тогда скажи, на кой ляд мне Катюха, лишняя обуза? – возразил Семён. – Я и без неё управлюсь.

– Не перечь отцу, Семёна, так надо, – вкрадчиво вмешалась в разговор мать.

– Не будь таким наивным, только никому ни слова, – таинственным голосом, озираясь по сторонам, продолжил тему разговора отец. – Где-то к концу вечерни, то есть читок этих самых газет, будь они прокляты, попросишь Степана проводить Катерину домой под предлогом, что у тебя свиданье.

– Какого Степана? Учителя, что ли?

– Вот именно, других Степанов нам не нужно. Ясно тебе, дурья твоя башка, в конце концов, – начал раздражаться Матвей Иванович.

– Да нет! И свиданий у меня никаких не намечалось, – зарделся, возмущаясь, Семён.

– Какой ты непонятливый, однако, переговорить Катюше с ним надо наедине. Понятно тебе? – мягко объяснила мать, ласково трогая его за плечо.

– Ну, так бы сразу и сказали, а то темниловку какую-то размазали, да ещё и обижаются, что кругом одни недотёпы, – возмутился под конец разговора Семён. – Ладно, схожу. Только Катюхе зачем это надо?..

Увидев недовольный взгляд отца, Семён смолк и больше вопросов не задавал, замкнулся на том, что он чего-то недопонимает в замыслах родителей.

День заканчивался, как всегда, осмотром скотины перед ночлегом и доделкой всяких мелочей по хозяйству. Матвей Иванович заглянул в коровник и, проходя мимо стояла коровы, выглянул во двор через вентиляционное окно. За забором в кустарниках, росших прямо от огорода до леса, он увидел незнакомую личность в капюшоне на голове. Его поведение и повадки вызвали подозрение и недоверие. Он явно прятался за растущей зеленью, боясь выявить своё присутствие.

Матвей Иванович не на шутку встревожился. Он мигом поднялся по приставной лестнице на чердак дома, откуда представляла перед его взором прекрасная панорама всей окрестности с высоты шести метров.

Человек, за которым хозяин дома собирался следить, пока он взбирался на чердак, куда-то пропал. Старик протирал глаза, жмурился ими, но как он ни старался, нарушителя покоя не было видно.

– Стар, видно, стал Матвей, мерещится уже в голове бог знает что, а глаза как в тумане, совсем плохо видят. По пустякам приходится переживать. Всё это от постоянных забот на мою больную голову. – С досады он плюнул и хотел уже спускаться с чердака вниз, но как раз в этот миг он увидел поднимающуюся руку, срывающую ветку от куста. Видно, комары больно прижучили злодея, они-то и выдали его с потрохами.

Увидев ориентир, Матвей Иванович твёрдо уверовал угрозе предстоящей ночи, решил во что бы то ни стало предотвратить её. Старик долго лежал, наблюдая за притаившимся недругом, и когда понял, что тот ждёт ночи для свершения в ночное время суток какой-то пакости, решил на подмогу позвать сына. Вдвоём сподручнее будет, да и кто его знает, какие намерения у этого явно подонка.

Рассказав сыну о случившемся, Матвей Иванович приказал ему помочь пока матери загонять скот, а потом прийти к нему на подмогу. Сам тем временем, не сводя своих глаз в сторону, продолжил вести наблюдение за незваным гостем, который лежал в кустах, будто умер.

Солнце постепенно погрузилось в сумрачный лес, разжигая пламя огненного зарева на краю горизонта. Прошло и это время; погасли сумерки вечера, ночь полновластно опустила свои чары на землю, готовую погрузиться в сон до следующего дня.

Пришелец, видно, уснул. Никаких признаков жизни он не проявлял.

Кряхтя, по лестнице взобрался сын, подойдя к отцу, совсем тихо спросил:

– Ну, что, тять?

– Лежит, как покойник, не знаю что и думать.

– Может, это какой-либо бродяга решил здесь заночевать. Место здесь тихое, никто его не потревожит до самого утра.

– Бродяга мог заночевать в стоге сена, который стоит почти рядом с ним. Нет, сына, здесь совсем, совсем что-то другое. Злоумышленник, не иначе. Давай лучше посторожим, надёжнее будет. Сторожённого да заморожённого бог бережёт!

Зажглись звёзды, а следом, как и положено, взошла серповидная луна, осветив сонную землю рассеянным сиянием. Пахнул, словно лёгкое дыхание, еле уловимый ветерок. Затрепетала в его дуновении отблесками луны листва, отчего повеяло каким-то таинственным волнением.

Гость встрепетнулся. Посидев, вспоминая свои цели и задачу, без движения на коленках он осторожно встал на ноги и, осмотревшись, двинулся к огороду. Подойдя к забору, незнакомец, раздвинув колья изгороди, просунулся внутрь сада и бесшумно, пригнувшись, как вор, постоянно озираясь, двинулся к сараю.

Матвей с сыном не стали больше ждать. Они соскочили с чердака и, прижавшись к земле с двух сторон сарая, сгорая от нетерпения и любопытства, стали наблюдать за действиями незнакомца.

Приблизившись к стрехе сарая, ночной гость вырвал приличный пучок соломы, достал из кармана спички, стал лихорадочно одна за другой зажигать их. Спички то ломались, то гасли, так как ветер к тому времени усилился, гасил их, не давая поджечь солому. Наконец, ему удалось зажечь спичку; пламя моментально охватило сухую солому, обжигая руки злодея. Он уже поднял горящий факел над головой, пытаясь поджечь соломенную крышу.

Матвей сразу понял замысел злодея, выскочил из-за угла и с криком бросился на поджигателя.

Но тот, увидев, что его раскрыли, бросил на землю горящую солому и со всех сил стал поспешно убежать к другому углу сарая. Но там, к его огорчению, навстречу выскочил Семён, сын Матвея, и всем своим грузным телом навалился на щупленького поджигателя.

Злодею заломили руки и втащили, буквально волоком, в комнату. Такое событие, надевавшее столько шума, вызвало переполох в доме, все члены семейства Немковых уже с нетерпением поджидали его, всех интересовала личность пришельца.

Когда зажгли керосиновую лампу и сбросили с головы маску, то были поражены, увидев перед собой Ваську Лунькова. Он стоял бледный, взъерошенный и злой. Все были настолько шокированы, что никто не решался заговорить первым. Мёртвая тишина окружала собравшихся.

Высказаться первым, по праву хозяина, принадлежало Матвею Ивановичу, но он тяжело дышал, никак не мог перевести дух после борьбы с Луньковым.

Отдышавшись, он сел на скамейку и каким-то чужим, не свойственным ему голосом спросил:

– Чего ты хотел добиться, поджигая нас?

Луньков молчал. Он опустил глаза и, не мигая, смотрел на свои босые грязные ноги.

– Знаешь что, отец, дай мне его. Я отведу его в лес, привяжу к сухостою, обложу ветками и подожгу. Пусть почувствует, каково это сгореть заживо. Ведь это он хотел учинить с нами!

Он навис над Васькой, сгрёб его своими крепкими лапами и, тряхнув что было сил, крикнул ему прямо в лицо:

– Отвечай, вражина, кто тебя послал поджечь нас?

– Никто меня не посылал.

– Почему же тогда ты это сделал?

– Из-за отказа Катерины выйти за меня...

– И ты что думаешь, моя сестра пойдёт за тебя замуж? За такую подлую гниду?

– А чем я хуже других? – дерзко, глядя нагло в глаза Семёна, ответил Луньков.

– Хотя бы вот этим мерзким поступком! – вмешался, наконец, Матвей Иванович. – Почему же ты не обратился ко мне с этим вопросом?

– Я понял причину, почему она мне отказала, и не стал понапрасну тратить зря время. Я беден. Вот я и хотел уравнивать нас, чтобы вы были сговорчивее, когда станете погорельцами и будете такими же нищими, как я.

– Даже если бы и вышло по-твоему, ты никогда не стал бы моим зятем. Мне, представь себе, противно даже это слово по отношению к тебе. А почему, может быть, ты спросишь? Отвечу. Потому что ты лодырь и ничтожный человек, если тебя можно им назвать. Дорога твоя, помани моё слово, закончится на казённой кровати в казённом доме. А сейчас, – Матвей Иванович подумал некоторое время и сурово закончил, – убирайся вон с моих глаз, и больше чтоб я духа твоего не слышал и близко около своего дома.

Луньков, не веря своим ушам, был готов ко всему, но только не к этому. Такого милосердия ему никогда не постичь. Он воспрянул духом, выпрямился и одним прыжком выскочил на улицу. Матвей Иванович давал ему шанс пересмотреть своё отношение к людям и жить по-другому.

В воскресенье в семь часов вечера Степан открыл избу-читальню, зажёл трёхлинейку – керосиновую лампу – и пригласил собравшихся. Среди вошедших посетителей он сразу же заметил Катю с братом. Увидев их, он так разволновался, радость так и сияла на его лице, от нахлынувшего чувства он не мог оторвать от неё глаз. Заметив это его состояние, Семён подошёл к столу и встал так, чтобы закрыть Степану обзор своим телом на Катю, с улыбкой приветствовал приятеля, которого не видел довольно давно:

– Здорово, дружище! Как житуха? Какие вести в мире творятся-чудятся? Как немецкий пролетарьят, держится? – И раскрыл свои дружеские объятия.

– Здравствуй, Сеня, здоров, дружище, сколько зим, сколько лет, – в тон ему с искренностью воскликнул Степан, обнимая друга.

Когда прочитали газеты и закончили их обсуждения, Сеня подошёл близко, почти вплотную к Стёпе и шёпотом его попросил:

– Дружище, выручай. Мне нужно, встретиться с Марией, а у меня обуза... Не мог бы ты проводить Катю домой, век буду тебе благодарен.

Услышав это, Степан онемел от такой удачи. У него загорелись глаза от какого-то внутреннего, понятного только ему счастья. Он даже растерялся от такого предложения, но через мгновение сообразил, что от него требуется.

– С радостью... удружу тебе... Можешь быть спокоен, я выполню это щекотливое поручение с достоинством, – с нескрываемым волнением выдохнул Стёпа.

Семён, сразу же после разговора подойдя к сестре, предупредил её о своём решении, чем невероятно смутил Катю. Она категорически запротестовала:

– Да как же это так, это же некрасиво! А вдруг он не согласится, я одна боюсь...

– Не бойся. Он с радостью уже дал согласие. Да ты ему нравишься, дурёха...

Когда пришло время провожать, Степан подошёл к Кате и будто заглянул ей в душу. Глубокая бездна её чёрных глаз леденила сердце. Мечта его сновидений стояла рядом с ним. До неё можно было дотронуться, только протяни руку. Он ликовал – восхищению не было конца; ему было достаточно созерцать её, молча, стоя на месте. Кто не познал счастья любить, тот не знает её безбрежных границ, способных завести в такую прорву, из которой и не выберешься без посторонней помощи.

– Ну, пойдёмте, провожатый! – вывел влюблённого мечтателя трезвый голос чаровницы из блужданий в потустороннем мироощущении.

Неторопливо они шли рядом. Какое это счастье. Время гулками раскатами отсчитывало его сердце. Ночь – лёгкая, как юность, тёплая с невнятной прозрачностью – не предвещала ничего коварного и злого. Луна-волшебница озаряла своим идилическим светом ночь и всё скрытое ею. Их тени скользили сбоку, кувыркаясь по неровностям придорожья.

– Степан Анисимович, расскажите что-либо интересное, – прервала Катя молчание.

– Катенька, я прошу тебя, называй меня просто по имени. И на ты, пожалуйста, если тебе это будет не в тягость.

Она затихла и, пройдя несколько шагов, ответила тихим голосом:

– Хорошо, если вы хотите, то есть если ТЫ хочешь, я согласна. Мне так ещё легче... Так как же моя просьба?

– Ах, да... извини, Катенька, – промолвил Степан. – Какая тема тебя интересует?

– Мне всё интересно... ну, скажем, что-либо про любовь, – смущаясь, засмеялась она.

– Хорошо, я расскажу тебе печальную историю Ромео и Жульеты, – он рассказывал с таким пылом и воодушевлением, будто речь шла о нём, о любви – его любви к ней, о его бессонных ночах, кошмарах и страданиях.

– Так не бывает, – вытирая украдкой слёзы на глазах, волнуящим голосом заявила она.

– Бывает, – уныло возразил Степан, – даже хуже бывает, например, я люблю, а меня нет.

– Если не секрет, кого же это ты так любишь? – спросила Катя с затаённым любопытством в голосе. Шли они по лесной дорожке; было удивительно тихо, только крупные звёзды да золотая луна с глубины небес с таинственным любопытством, казалось, глазели на них, источая загадочную улыбку.

– Для меня это не секрет, – подумав немного, сделав короткую паузу, добавил Стёпа. – Люблю... давно... очень сильно люблю... тебя, Катенька!

Он остановился и повернулся к ней лицом. Она тоже смотрела на него своими сияющими, с отблесками звёзд, чёрными глазами, притягивая к себе, как магнитом, но с каким-то необъяснимым страхом ожидания чего-то недозволенного и оттого непонятного... Она, казалось, сжалась в упругую стальную пружину, готовую в случае необходимости разжаться, предотвратив что-то невысказанно скверное.

Вдруг затрещали кусты, и, как чёрт из коробочки, откуда-то из глухой ночи, как страшный демон из сказки, на дорогу с диким криком с кухонным ножом в руке выскочил разъярённый, весь взлохмаченный Васька Луньков.

– Сволочи, умрите!!!

Он молниеносно замахнулся на Катерину и обрушил на её грудь свой смертоносный удар. Всё было так неожиданно, что Катя не успела даже вскрикнуть. Стёпа же стремительно отбросил Катерину и подставил свою левую руку под нож, одновременно нанося острый удар кулаком в переносицу нападающему. Васька застонал и, выпустив нож, рухнул на землю, издав глухой стон.

Нож вонзился по самую рукоятку в мышцу Степана; девушка была в шоке, дрожа всем телом, что-то лепетала. Её дом был рядом. Именно здесь и подждал Катю Луньков. Не вынимая нож, Степа почти бегом повёл девушку к дому, бросив Ваську на дороге, проверив его пульс...

Событие переполошило весь дом. Нашли лекарства, но вытаскивать нож никто не решался. Тогда Степан попросил бутылку первача. Не раздумывая, он выпил половину содержимого, приказал:

– Как только вытащу нож, облейте рану спиртом и крепко перевяжите.

Так и сделали, но этого он уже не видел. То ли водка, то ли боль, а может, близость любимой, свалили его наповал.

Пришёл он в себя от тряски. Вёз его сам Матвей Иванович в районную больницу показать настоящему доктору. Трубчевск находится в двадцати пяти километрах от Сдесловки. Поспели вовремя, заражения не произошло, кости не задеты, лезвие ножа проникло параллельно мышцам, не причинив тяжких повреждений.

Лунькова арестовали и приговорили к перевоспитанию сроком на один год. Мать его, убитая горем, вскоре слегла и через две недели и четыре дня скончалась. Эту утрату жители деревни переживали каждый по-своему; но всё же присоединились к процессии проводов в последний путь и отдали дань уважения её пребывания среди них столь длительное время своей жизни. Все без исключения сожалели о её мучениях со своим непутёвым сыном, который своим поведением и вогнал её в могилу прежде времени.

Жил человек, что-то делал, обеспечивая себя минимумом необходимого, чтобы поддерживать нетленный дух в теле и не подохнуть с голоду, растил детей. Вроде как все остальные, разве только судьба была не склонна ей потворствовать, а уж по каким причинам всё так печально выпало, в этом нужно разбираться специально.

Каждый человек распоряжается своей жизнью сам, вот только тлеет он в ней или горит незатухающим пламенем, зависит от каждого из нас индивидуально. Всё зависит от поставленной цели и упорства в её достижении. Многие ждут, что им когда-то повезёт или какой-то дядя поможет или даст. Не ждите, надейтесь только на себя и опасайтесь этого дяди. Живите сообразно своим личным возможностям.

Что до сына её Василия, то в деревне он больше не показался. Луньков даже ни разу не навестил оставшуюся в отчем доме свою старшую сестру, которая была инвалидом детства. Наверно, всё-таки совесть у него была, кто его знает. Только никто не заикнулся о горькой его судьбинушке. Наверно, многие придерживались житейской мудрости, что горбатого могила исправит.

Степан возвратился домой спустя полторы недели. Рука его висела на перевязи. Он похудел, стал грубоват и задумчив, неразговорчив и рассудителен – будто его подменили, он – и не он. На жизнь он стал смотреть взрослыми глазами. Юность улетучилась, будто в больнице он провёл целую вечность, которая поработала над ним целенаправленно и вдумчиво. Только глаза его как-то плутовато прятались, с застенчивой виновностью, как у напроказившего пса.

Как ни горько и страшно спускаться с божественного олимпа юности на трудную мужицкую землю, но пришлось! Он встретил отца во дворе и, поговорив с ним о всяких мелочах, заявил без всяких обиняков, открыто, прямо глядя родителю в глаза:

– Я помню, ты хотел знать, есть ли у меня невеста?

– Да, было такое. И кто же она? Постой... угадаю! Не дочь ли моего друга – Катерина?

– Да, папаня, если она вам не подойдёт, то жениться я буду после армии.

– Вот она-то как раз и подходит, я тебе раньше хотел предложить её. К ней давно приглаживаюсь. Семья работающая, ничем не опорочена, здоровая, а главное, её отец – мой кореш, вместе служили при монархе в лейб-гвардии. Вот после осенней уборочной соберёмся и засватаем. На неделе съездим с тобой к ним в смотрины. А пока, сынок, поправляйся окончательно, набирайся сил, чтобы был здоров, как прежде, и не хандрил. Сам видишь, какие из нас с матерью работники.

– Да уж, постараюсь...

Прошло три дня... После обеда Анисим с сыном резали под навесом дрова на чурбаки. Степану было трудно таскать пилу одной рукой, поэтому часто приходилось отдыхать.

– Ничего, сынок, Бог даст, поправишься, эти дрова никуда не денутся...

Не успели они договорить, как в калитку громко и настойчиво постучали. Отец глянул на сына, ища у него ответа, и, не получив его, громко крикнул:

– Открыто! Входи, – пригласил Анисим Миронович.

Калитка открылась нараспашку. Во двор вошёл раздумавшийся, видимо, от быстрой езды Семён Немков. Он небрежно снял с головы картуз, слегка поклонившись, сказал:

– Бог вам во здравие!

– И тебе того же – не хворать и быть здоровым как можно дольше, – по-доброму, с теплотой в голосе отозвался на приветствие хозяин дома. – Проходи, Сеня, гостем будешь.

– Благодарствую, Анисим Миронович, за приглашение, – улыбаясь, проговорил Семён, оценивая намётанным взглядом хозяйственную обстановку жилья будущих родственников.

Под большим добротным навесом на широкой новой лавке, ещё не загаженной куриным помётом, сидел Анисим Миронович, помахивая зелёной берёзовой веточкой перед лицом от назойливых мух, которые роились в огромных скоплениях, создавая гудение, словно псека пчёл. Пищи для них было в изобилии – справа и слева виднелись загоны для скотины. Это нисколько не смутило гостя, ибо такая же картина наблюдалась и у них дома, а напротив – порадовала. Сестре не придётся жить впроголодь, как многим в округе.

Степан сидел на недопиленном бревне, лежащем на деревянном козле, изготовленном специально для распила дров, с воткнутой в распил пилой. Левая рука его висела на перевязи. Он немного похудел, даже возмужал или посуровел – не понял Семён. Но былая юношеская беспечность исчезла с его лица. Всё это он оценил одним цепким взглядом, а сам, продолжая наблюдать, сказал:

– Гостевать мне некогда, я к вам проездом по поручению своих родителей. Они приглашают вас, Анисим Миронович, вместе с Анисьей Акимовной и Стёпой пожаловать к нам

на обед в ближайшее воскресенье. Они будут с нетерпением вас ждать, – сказав это, он замолчал, уставившись на собеседников в ожидании ответа.

Наступила неловкая пауза. Всё это было так неожиданно...

– Спасибо за приглашение, – Анисим Миронович, немного помешкав, продолжил: – Нужно спросить у Степана. Как у тебя со здоровьем будет... сынок? Осилишь?

Сынок заметно заёрзал на берёзовом бревне, не понимая, какой нужно дать ответ, потянул:

– Сегодня ещё вторник... К воскресенью, думаю я, буду чувствовать себя лучше.

– Слава Всевышнему, Господь наш милосерден, – Мирон набожно перекрестился. – Тогда с божией помощью, мы, пожалуй, посетим ваш благословенный дом. Так и передай родителям, что сами собирались на той неделе посетить вас.

С этим и расстались.

Немного погодя, после ухода Семёна, Анисим Миронович подвёл итог:

– Ну, что ж... судьба нас тянет за волосы, сынок, ты только поспеши. Главное – в нужном направлении, только иди за ней и не споткнись, – развеселился старик.

– А мне этот зов почему-то ой как не нравится, – возразил Степан угрюмо, плутовато, глядя вбок мимо отца.

– Мы ничего не теряем, – недоумевая, вперился на сына Анисим немигающими глазами. – Свадьбу можем назначить на время, когда придёшь из армии. Ей, наверно, лет семнадцать, но терять такую невесту непозволительная для нас, голодранцев, роскошь. Я бы и сам на ней женился! – пошутил старик.

– А почему голодранцев? – возмутился, выпрямляясь на бревне, Степан. – С голоду не пухнем. Всё как у людей – жизнь налаживается...

– Только и всего?! А всё потому, что рук только полторы. Работать некому. Равняться с Немковыми нам?... – он не договорил и, махнув с отчаянием рукой, ушёл в хату.

Степан остался один. Он сидел, потупившись, ни о чём не думая, подперев здоровой рукой голову. Всё уже было передумано, намечено и обозначено без его участия и согласия.

Мать позвала на ужин. Ели молча круглую варёную картошку в мундирах, которую каждый едок сам для себя тут же облупливал и круглой кусал, прихлёбывая холодными кислыми щами без хлеба.

Перекусив, сын полез на сеновал, на своё постоянное место отдыха. Здесь ему было хорошо. Никто не мешал сладко мечтать, распластавшись на мягком душистом сене, покрытом овчинным тулупом вверх шерстью.

Уютно улёгшись, Стёпа подумал, глядя на яркую звезду, что Катерина ему стала казаться далёкой, холодной и недоступной, как вот эта звезда. В этой мысли сейчас его больше всего раздражала её недоступность; она тянула его к себе своей чистотой, тайной и недостижимой статью. В такие минуты ему становилось скверно на душе и как-то стыдно. С некоторых пор он даже уж и не знал, любит он её по-прежнему или нет. Этот трудный, волнующий его вопрос требовал чёткого осмысления. Но ответ был покрыт туманом таинственной неопределённости. Только время властно могло внести свои коррективы в его разрешение.

Какая-то апатия и сердечная усталость овладели им. Он прозябал в грязной лжи и лицемерии и казался себе отвратительным и жалким проходивцем. Степан оправдывал себя тем, что его интрижки, кроме наслаждений ему, вреда никому не приносят. Дело это касается только его лично. Да и обязательств он никому не давал. Нужно было время, чтобы справиться и ужиться с этим новым для него укладом в его сознании.

С некоторых пор его чувства раздвоились. Он пресытился и стал сдержанным и равнодушным. За это короткое время он столько узнал, получил приличный опыт в любовных делах, что немудрено, что на женщин он уже стал смотреть совершенно другими глазами; Катерина потеряла притягательную трепетность, былую значимость в его глазах.

А почему? Да просто появилась другая – совсем иная, раскрепощённая, лёгкая, как праздник, без запретов и условностей, нежная и любвеобильная. Тайна и глубокое разочарование его души, которая и запутала все его помыслы и душевную ясность.

С горечью, как в пьяном бредовом угаре, Степан вспоминает операцию в городской больнице. Женщина с повязкой на лице, привязав его ремнями к столу, как мясник, маленьким ножом безжалостно ковырялась в его ране целую жуткую вечность. Невыносимая боль вырывала из груди Степана дикие стоны страданий. А врач участливо-ласково приговаривала, совершая своё жестокое злодейство:

– Молодец, сильный мужчина... Приятно иметь дело с мужественным человеком на операционном столе... Я рада, что работаю с настоящим мужем, а не хлюпиком... Я расцелую тебя после операции за твоё мужественное поведение. Славенький, последний стежок! Ну, вот и всё, милый мой, намаялся, спокойного сна тебе, набирайся богатырских сил, они пригодятся тебе для свершения благородных дел.

Она всё время операции поддерживала и хвалила его, восхищалась его сдержанностью и благородством. Слова её ободряли его и немного сковывали боль. Операция закончилась успешно. Она настолько ослабила его силы, что сознание его помутилось, и он впал в забытьё. Спал Степан долго – больше суток. Врач посещала его несколько раз и, послушав его сердце, уходила всегда довольной, проговорив единственное слово:

– Великолепно!

Выспавшись, он проснулся, но нашёл себя разбитым и угнетённым бессилием и слабостью духа. Ему подали очень сладкий чай, принёсший небольшое облегчение и прояснение в голове. В тумбочке Стёпа обнаружил липовый стаканчик с мёдом и десяток яблок. «Если хочешь быть сильным, ешь яблоки с мёдом», – вспомнились ему внушения матушки. Но этот подарок ему сделала Катюша. Привёз его Матвей Иванович, больше его никто не успел посетить. Значит, Катенька о нём думает.

Сердечко учащённо заколотилось. Она обладала всем набором великолепных качеств, присущих возвышенным женщинам: и красотой, и грацией, и умом, и воспитанностью. Всё это было в зачаточном состоянии. Правда и то, что образование не соответствовало – а это вопрос времени. «А я-то кто? Лапоть, деревня необструганная. Грамотей, смешно до боли – прочитал три с половиной книги, а возомнил... У неё всё от природы».

Степан вконец проголодался. С немалым аппетитом он съел два яблока с мёдом и сразу же почувствовал прилив сил и бодрость духа. После этого он встал и самостоятельно сходил в туалет, не почувствовав при этом никаких болей и побочных явлений. Ему в ту же минуту захотелось домой, так как его сердечные дела продвинулись, но явно не закрепились. Стёпа чувствовал себя на седьмом небе. Он истинный герой, защитил свою любимую от посягательств соперника, как доблестный рыцарь, должен теперь получить награду из её рук. А он тут прозябает в этой тесной палате, полностью забитой по завязку больными, в основном пожилыми и стариками. Но одно дело хотеть, а другое мочь.

Глава четвёртая

Выздоровление. Первый поцелуй

Твёрдая уверенность в возвращении физических сил организма не покидала Степана никогда. Каждый новый день лечения в больнице приносил ему прилив новых сил и новых знаний, так как находясь в обществе почти городских жителей, он невольно обучался, расширяя свой культурно-литературный кругозор, общаясь с ними.

– У меня, доктор, превосходное самочувствие и хорошее здоровье, – бодро отвечал Стёпа врачу на вопросы о своём самочувствии. Ежедневно ему делали перевязки. Сестра безжалостно сдирала присохшие бинты, причиняя очередную невыносимую боль. Врач основательно знакомилась с житием Степана-мученика. Эту приставку придумала ему медсестра.

– Меня зовут София Германовна. Я делала тебе операцию. Ты проявил себя молодцом. Я уважаю мужественных людей. А главное, ты не уронил своего мужского достоинства: вёл себя корректно, не выражался нецензурщиной, никого не оскорблял – тем помог нам работать. Я благодарю тебя. Теперь я намерена провести полное обследование твоего организма. Сними рубашку.

Степану с первого взгляда понравилась София Германовна. Она была какой-то особенной женщиной. От неё исходила непонятная прохладная свежесть, разбавленная еле уловимым запахом духов и йода, да и казалась она белокурой пухленькой пышечкой. Белая без изъянов кожа, выразительные серые глаза, пухлые, сочные губы, красивая возбуждающая грудь, пропорционально сложенное тело – всё это как магнитом тянуло мужиков. Ей было лет двадцать восемь, но выглядела она гораздо моложе.

Она тщательно обследовала грудную клетку со всех сторон, затем приказала лечь на топчан, стала исследовать живот. Её тонкие нежные пальчики с блестящими крашеными ноготками и ямочками на щиколотках нежно гладили обнажённое тело Стёпы. «Сколько же можно терпеть это бесстыдство, не бесчувственный же я истукан». Все это так приятно, если нет совести, а каково же Стёпке это терпеть; он еле сдерживался от перенапряжения.

В заключении она расстегнула ширинку, спустила кальсоны до колен и стала ощупывать его половые органы – до возбуждения. Степан закрыл глаза и затаил дыхание. Лицо просто пылало от стыда. Пот застилал глаза. Увидев это, она улыбнулась и сказала:

– Итак, Стёпа, ты почти выздоровел, это похвально. Все органы у тебя тоже в порядке. Дня через три—четыре приступим к физиотерапии.

Последний этап обследования заключался в постукивании молоточком по коленкам и мышцам. Острота юношеской наивности обжигалась новизной такого вторжения. Душа его тихо робела. Сил шевельнуться или противиться у него не было. Всё это таинство было за пределами его понимания.

Все манипуляции Софии Германовны на самом деле представляли собой лишь камуфляж для выявления способностей и возможностей вероятного потенциала пациента. Об этом Стёпа, естественно, не ведал, поэтому возражения были бы нелепы и бесполезны, и ещё неизвестно, к каким могли привести последствиям.

Ввиду нежелания показаться необразованным невеждой, Степан смирился и, осмелев, стал наглеть и приобщаться к действительности своего положения. Взгляд его стыдливо блукал по выпуклостям её красивой груди.

«Медовые», – подумал Стёпа. Невыносимо, страстно захотелось нежно их поладать. Но робость... «Страшно, а вдруг... это хамство... Как плохо быть неграмотным, поди разберись, что можно, а чего нельзя!»

– Ну, вот и всё, я рада, что ты такой крепкий и здоровый парень. – После небольшой паузы она спросила: – Девушка у тебя есть?

– Даже... и не знаю, – в раздумье пожал плечами Степан.

Он постеснялся признаться в своих кристальных чувствах, тем самым дал понять о своей мягкотелости и произвольных толкованиях его поведения в отношениях с женщинами. Это стало началом размывания этического принципа, падения нравственности, воли и человеческой чистоплотности. Это круто повлияло на всю его личностную порядочность в последующей жизни, начиная с того момента, когда закладывалась чистота морального фундамента дальнейшего содержания души. Это было лишь первичным началом падения для него в помойную яму разврата, которое он проворонил в виду своей молодости и неопытности и учителей-наставников, которые умело подталкивали его к ней.

– Это как же? Видно, эта такая тайна, что ты даже себе боишься открыться? Так? Молодость невинна и не может служить обвинением или оправданием. Всё это житейское. Вот я, например, была замужем. Муж как ушёл в шестнадцатом году на фронт, так и не вернулся, с тех пор от него ни слуху ни духу. Прислал, правда, в семнадцатом письмо – писал: «Царский штабс-капитан перешёл на службу к красным». Обратного адреса не было. Так вот и живу одна, как кукушка, ни детей тебе, ни яслей. Я уже привыкла. Ну всё, Стёпа, иди в палату.

Степан побрёл к двери, закручинившись печальной судьбой этой женщины. Но София Германовна вдруг остановила его и приказала:

– Иди-ка сюда... Я ведь, помнится мне, обещала тебя поцеловать за хорошее твоё поведение на операционном столе...

Степан в нерешительности повернулся и робко, не чувствуя ног, шагнул в её сторону, как в пропасть. Голова не соображала, стала какой-то чужой и совершенно пустой, да и времени одуматься и правильно воспринять это из-за проклятой робости не оказалось. Какая-то застенчивость охватила всё тело. Стал он как будто сам не свой, даже дышать стало нечем. С другой стороны, смешанное чувство мужского достоинства и боязнь показаться тухлой-матюхой помешали реально оценить действительность положения.

Она взяла его голову своими мягкими ручками, подтянула к себе и нежно поцеловала в губы. Степан почувствовал упругость её груди и уловил необыкновенный запах зрелого влекущего женского тела. К этому зовущему, дурманящему запаху примешивался тонкий аромат каких-то неведомых ему духов. Он увидел, что она закрыла свои глаза и с жадной страстью наслаждалась поцелуем. А он просто потерял себя в этом неведомом ему пьяняще сладостном состоянии. Голова закружилась, ноги ослабли, всё тело заколотилось мелкой дрожью. Это был его первый поцелуй с женщиной, не считая коротких поцелуев матери.

– Ну, теперь иди. Приятных снов тебе, мой мальчик, – сказала врачиха, сделав особое ударение на слове «мой».

София Германовна ласково проводила Степана к выходу, погладив нежной ладонью своей руки по его обветренной упругой щеке.

Уже вечерело. Редкие сполохи молний мягко и кратковременно освещали окрестности города. Грома не было слышно. Небо затянулось мрачными тучами, лишь краешек горизонта оставался освещённым. Косые языки дождя чередой, то усиливаясь, то затихая, ломались в оконную раму, шурша листвой деревьев. Было таинственно и напряжённо, пахло прохладной сыростью и колдовством, приводящим Степана в данной ситуации к опустошению его сознания.

От волнения у него нервно подрагивала нижняя губа, как у кролика перед очередным спариванием; его немигающие глаза бестолково остановились на одной точке. В сознании никак не совмещались его жизнь и то, что произошло с ним сейчас. Греховное уныние заполняло душу. В его сбалансированный мир неожиданно ворвалась эта докторша, как вихрь, разбросав весь уклад и все устои его прежней уравновешенной жизни. Он не находил разумного объяснения и выхода из этого немыслимого тупика, а также своего приобщения к этому совершенно новому мышлению и его толкованию.

Что делать? Как вести себя в дальнейшем? А то, что это дальнейшее не минует его, он предчувствовал и нисколько не сомневался. До него стало доходить, что всё своё дальнейшее поведение надо чётко заранее продумать и обозначить. Тогда он ещё надеялся собраться, найти силы и противостоять этому вероломному бесстыдному насилию.

Он лёг на кровать и, закрыв глаза, задумался. Хотел заснуть, но не смог, глаза самопроизвольно раскрылись и уже больше не сомкнулись. Так он с открытыми глазами пролежал до наступления полной темноты.

За окном задул ветер, располыхались синие молнии и загрохотали громовые раскаты. Дождь поливал землю, не жалея влаги до самого утра, будто старался помочь ему смыть всю эту грязь с его души.

Немного свыкшись со своим нелепым положением, вдруг в его обезумевшую голову пришли наставления старшего брата Григория: «Прежде всего нужно успокоиться. Для этого глубоко дыши и перестрой мысль на другую волну». Это помогло. Височная ломота прошла. В голове стало постепенно проясняться, а в душе стихли волнения и наступил сердечный покой. Всё стало просто и обыденно. Горизонт для других мыслей раздвинулся; стало очевидным появление совершенно независимых рассуждений на другие и даже противоположные темы.

Степан продолжал лежать на спине, уставившись широко открытыми глазами в темноту, а в голове проплывали крамольные мысли, противоречащие его убеждениям.

«И чего я только разволновался? Собственно говоря, что страшного произошло? Ну, поцеловала меня красивая женщина, ну и что? Что я потерял? Мне ли, такому любопытному парню, чего-то бояться? В конце концов, я мужик, а может, нет?» Какое-то сомнение закралось в его душу.

«Может я ещё не дорос? Она намеревается распахнуть мне глаза в другой, совсем неведомый мне мир в отношениях между людьми, о существовании которого я и не догадываюсь. Тогда чего мне упираться? Предрассудки ханжеского невежества сковывают наше сознание железными цепями. И я сам добровольно вцепился в них зубами мёртвой хваткой. Будь что будет! Будем познавать туманный и неведомый мир. Время, хочу я этого или нет, настало».

Ему уж начала мерещиться какая-то таинственная бездонная пропасть желаний и бездна неведомых ему сказочных удовольствий. Эта маленькая, хрупкая женщина всё больше завладевала умом Степана; влекла к себе своей нежной волнующей плотью и жаждой познать бесконечность вселенной; минуты ада падения и отчаяния, взлёт к вершинам чарующего безмерного блаженства – смерть и воскрешение. Он стал прислушиваться, ожидая какого-то чуда; душа его наслаждалась тихой музыкой ликования. Незаметно он уснул крепким младенческим сном, уткнувшись в подушку носом, обнимая её.

Три дня прошли в муках ожидания. В больнице София Германовна не появлялась. Чего только Степан ни передумал. Затаённая надежда на что-то особое, таинственное не покидала Стёпу. После завтрака – обход. Ему назначили очередную перевязку. Рана уже устойчиво затянулась. София Германовна приказала ему делать физические упражнения, только постепенно увеличивать нагрузки. Главное – не перенапрягаться и не переусердствовать. Она была строга и непрístupна. Другого внимания она не проявила к нему, даже ни разу не дотронулась.

Опять плохо. Степан слишком самомнителен, придерживается крайних эмоциональных точек, не допуская никаких этических дипломатий, опирающихся на догмы человеческих отношений...

«А я распустил перья, как петух, и выпустил слюни, – думал разочарованный Степан: – Может, во мне что-то дикое или неприятное?» Он срочно зашёл в туалетную комнату и критически полностью с ног до головы осмотрел себя в зеркале. Всё было в норме, разве только чёрные пятки да под ногтями залежи навоза? До обеда эти признаки деревенщины, порочащие его жениховские качества, были успешно устранены с помощью кирпича и кухонного ножа.

Ещё раз Степан бегло окинул себя восхищённым взглядом и остался вполне доволен и пятками, и ногтями. В конце он взглянул на себя в зеркало и, оскалив зубы, проверил их чистоту. Они были цвета слоновой кости.

Степан видел, как некоторые городские жители чистили зубы маленькими щёточками, макая её в белый порошок. Он взял это себе на заметку, но отложил на потом. Но вот теперь он вспомнил эту процедуру и интуитивно предположил, что данная проблема связана с чистым дыханием и запахом изо рта.

Немедленно Степан сходил в магазин и купил эту самую щётку и так называемый зубной порошок. Он долго чистил зубы, пока дёсны не стали кровоточить и гореть от боли, но так и не добился идеальной белизны, какая была у докторши. «Видимо, белизны зубов за один раз не добьёшься», – решил Степан, но результатом чистки остался доволен, Зубы блестели, между зубов не было видно никаких остатков пищи, которые раньше Степану приходилось выковыривать соломинкой или кусочком дерева.

Было тихо и вольготно, истома ломила затёкшие кости, душа изнывала от безделья и неведения. Солнце щедро одаривало людей последним теплом. Наступило бабье лето. По небу величаво плыли нескончаемой чередой разнообразной длины вереницы лёгкой паутины. Осень беглыми штрихами обозначила свой очаровательный приход.

Сегодня к Стёпе приезжали родители. Мать, как увидела Стёпу, обхватила его шею руками и заголосила не своим голосом, будто он покойник:

– Кровиночка ты моя родная! Сыночек ты мой ненаглядный! Убить хотели, злодеи, да, видно, Бог не позволил, окаянным! Господи, разрази их громом и испепели молнией! – звучно голосила она, не стесняясь посторонних.

– Маманя, успокойся ты, живой же я, да и рана пустяшная...

За короткое время их пребывания они обговорили всё, что их волновало и интересовало: о том, как на него напал бандит Луньков; о домашних новостях и о том, что брат его Данилка переехал наконец в свой новый дом; о том, что в их родовой усадьбе остались они втроём; о том, что мать уже не успевает за всем хозяйством и ей понадобится помощница, намекая на будущую жену Стёпки.

– Стёпушка, тут мы с отцом привезли тебе подарки и особенно подарок дохтуру; так ты передай ему от нас низкий поклон за твоё спасение и подарок с благодарностью, – ворковала мать на прощанье. Степан не стал переубеждать её в том, что доктор – женщина, да и тема эта для него теперь закрыта в связи с его тайными ожиданиями.

Глава пятая

Фатальное свиданье и роковая близость

Солнце клонилось к закату, выдыхая свой дневной зной, а Стёпка всё сидел, всё на что-то надеялся, чего-то выжидал – какого-то чуда. Здесь необходимо вникнуть в то обстоятельство, что Степан самостоятельно, без чьей-либо помощи выбрал свой пагубный путь и настойчиво, безвольно плыл по течению в его русле. И он дождался-таки, она подошла тихо, незаметно, будто подкралась незримой тенью – сзади. Едва ли Стёпке с его простодушной натурой пришла в голову мысль задуматься, разгадать какое-то коварство в этом незатейливом поведении этой открытой, немного своеобразной женщины. Он воспринимал всё на веру, никак не предполагая каких-либо скрытых смыслов и значений, которые закладывали многие люди в свои поступки и мысли.

– Стёпа, – удивлённо притворным голосом проговорила София Германовна. – А я тебя в палате искала, а ты тут грустишь. О ком, если не секрет? – лукаво прищурилась «дохтурша».

После столь долгого ожидания, отчаяния и переживаний, набравшись наглой смелости, он ответил:

– Да если я, Софья Германовна, скажу вам правду, вы ж меня засмеёте...

– Ну... уж так и засмею! – звонко развеселилась женщина. – Говори. Смелее говори, я знаю, что ты в опасную минуту подставил себя под нож, защищая женщину. А здесь робеешь. Вот поэтому ты и заинтриговал меня! – Она умело и вовремя плеснула в огонь припасённого масла.

– Софья Германовна, вы меня извините, но думаю я вот уже пятый день... о вас, и больше ни о ком... только...

– Спасибо, дружок, выручил бедную женщину. Вот и я всё это время думала о тебе и всё не решалась заговорить на эту тему...

– Софья Германовна, ко мне приезжали родители из деревни, они передали вам гостинец, вот он стоит, – он указал на стоящую рядом корзинку. – Поэтому я и жду здесь вас.

Он нарочно сказал это, чтобы она не подумала, что он, необразованный деревенщина, вздумал ухаживать за ней. Но тактичность женщины не позволила ей вдумчиво разобраться в нюансах сказанного. Она просто пропустила это мимо ушей. Её цель сводилась совсем к другому. Обрывать его не входило в её планы. Потом, Софи твёрдо уже усвоила – первые контакты всегда сопряжены хрупкими неожиданностями. Оттого она старалась проворачивать эти дела самым простым и даже примитивным образом.

– Стёпа, я её не донесу, придётся тебе мне помочь. Хорошо? – слукавила Софья. – Нести недалеко, стоим мы рядом с моим домом.

У Софьи Германовны было две комнаты и большая кухня. В зале в стене между комнатами вмонтирован камин. Перед ним с противоположной стороны ровно посередине стояла широкая кровать с искусно сделанным из твёрдого дерева балдахином, задрапированным кисейной тканью. Перед кроватью лежала большая шкура белого медведя.

Стёпа был одет в больничное – полосатый халат и нижнее бельё. Софья посмотрела на притихшего Степана оценивающим взглядом, спросила:

– Кушать хочешь?

– Нет, что вы, я только поужинал, – торопливо выпалил Степан.

– Не обманывай! Ты со мной не спорь, иначе мы с тобой не поладим, – нарочито строго пригрозила Софья Германовна. – Во всём соглашайся со мной. Ты растопи камин, а я приготовлю ужин.

– Камин – это он, – указал Степан рукой на зияющую в стене чёрную дыру с закопчёнными кирпичами.

– Да, – подняв брови удивления, снисходительно улыбнулась она. Степан вдруг с болью в груди почувствовал неожиданно проявившую глубокую пропасть между ними и холодок отчуждения и подумал: «Куда ты лезешь, деревня, в разбитых шербоках». Софья тоже ощутила свою бестактность и, спохватившись, решила: «Никогда больше не допущу подобного ляпсуса, парень тонко чувствителен, необразован, но если дать ему знания, далеко может шагнуть».

Когда камин запылал, София вернулась; она переделалась в какой-то заморский блестящий халат, расшитый извивающимися драконами, волоча низенький столик на колёсиках с подносом, на котором виднелись бутерброды с варёной телятиной, посыпанной зеленью. В хрустальной вазе красовался огуречный салат со сметаной, в другой лежали фрукты и графинчик с наливкой. Они уселись на медвежью шкуру и, весело смеясь, начали угощать друг друга.

– Давай выпьем, Стёпа, на брудершафт! – торжественно предложила Софья Германовна, поднимая в своей маленькой ручке широкий бокал с наливкой.

– А что это такое, это как? – смущаясь, спросил Степан. – Софья Германовна, я хочу вам признаться, что встреча с вами – это для меня подарок, я даже не знаю, Бога или судьбы? Кто я и кто вы. Это как небо и земля, две противоположные планиды, так что вам придётся меня учить всему. Я буду благодарным учеником. Если, конечно, в этом есть смысл.

Эта пылкая речь Степана заставила Софью Германовну ещё раз переосмыслить своё отношение к нему, лишний раз подумать и не выказывать своё превосходство перед ним. Она поняла, сколь глубоко он чувствителен и как горько ему будет, когда он поймёт, что использован он был ради капризов скучающей дамы, поэтому она захотела быть предельно откровенной и честной с ним до конца.

– Дорогой Стёпушка, ты прав, у нас с тобой разница и возрастная, и социальная. Ты и я осознаем, какую цель преследуем и какие могут быть последствия – глубокие неизлечимые раны на сердце. Мы также осознаём, что люди мы с тобой взрослые и можем отвечать за свои поступки в полной мере. Только свобода произвольного выбора случайно свела нас. Я уже тебе говорила, что женщина я свободная и могу позволить себе скрасить свою одинокую и скучную жизнь. Замуж я выходить не собираюсь ни за кого. Ты парень молодой, свободный, тоже имеешь право на вольные ходы, не ущемляя чьих-либо интересов. Теперь, брудершафт в переводе с немецкого языка это братство. Пить вино в знак установления тесной дружбы и приятельского перехода на «ты». С бокалами вина перекрещивают руки и выпивают, а потом целуются. Так что, Стёпушка, целуемся или расходимся?

– Софья Германовна... – только и смог сказать растроганный Степан. Они выпили, поцелуй получился затяжной. Стёпка перестарался. Он привлёк её к себе с такой силой, что чуть не удушил в железных тисках своих рук, помнящих тяжёлые мешки с грузами.

– Стёпушка, голубчик, функционируй нежнее, – с любовью журила София, болезненно массируя помятую грудь.

Степан предчувствовал близость этого неведомого ему волшебного таинства. Ему уже нравилась эта новая для него жизнь, подобная игре. Он заметно нервничал. А она, почувствовав его состояние, предупредила, понимая его волнение и опыт:

– Степунчик, ты не торопись. Любовь не терпит суеты.

Каким-то звериным чутьём, заложенным на генном уровне, он обонял перед собой хорошенькую самку, в нём возбудились дикие необузданные страсти. Неподвластное желание овладеть ею лишило его разума. Он, как дикий зверь, набросился на неё, почуяв поверженную жертву. Она ловко вывернулась из объятий, оттолкнула его и решительно пресекла это, и, упёршись ладонями рук в его грудь, ласковым голосом стала втолковывать ему азы любви:

– Стёпа, живя в деревне, ты, наверно, не раз видел игры животных перед спариванием. Они ведь не бросаются друг на друга, хотя и неразумные твари, – нежно обхаживают, получают

согласие, привыкают друг к другу. Сначала учатся любить. А мы, люди, бросаемся хуже зверей. Кроме ненависти, ничего не получишь!

Она сняла с него одежду и разделась сама, потом стали нежно ласкать друг друга. Стёпке эти нежности были ни к чему. Он перенапрягся и еле сдерживался, чтобы не порвать её на части. Однако, страх тормозил страсть, и он делался покорным и послушным, с большим трудом убивая в себя звериную натуру.

В формах тела выглядела она эффектно. Степану до этого не приходилось созерцать обнажённое женское тело. Всем хорошо известен постулат – всё познаётся в сравнении. Его лишь только мысленные, далёкие от истины представления теперь подтверждались и, совершенствуясь, усваивались.

Свет не включали. Сполохи от горящих дров в камине создавали впечатление древнего грота; она лежала на шкуре медведя перед камином, как жрица любви. Её тело переливалось затейливыми золотыми огнями и бликами от кострища горящих поленьев. Софи наслаждалась, любуясь великолепием своего прекрасного тела, как бы предлагала товар покупателю, чтобы безоговорочно сразить его наповал той ценой, которую ему выставят.

Её роскошные полные груди с торчащими сосками, эта живая плоть, лишали разума Степана; они тянули клещами его за жилы. Свою неопытность, наивность и страх, что это всё вдруг превратится в мираж, он старался скрыть своими неумелыми движениями, имитируя страсть и нежность.

Он утопил своё лицо ей в грудь, стал с неистовой жадностью целовать эти вскармливающие детей, но не использованные ни разу до сих пор по назначению озорные соски её сводящих с ума грудей по очереди, всасывая в рот, как ребёнок. Её чувственность проявлялась с возрастающей силой и выплеснулась лавиной ласкательных движений руками и всем телом.

Насладившись обилием телесных излиятий, готовая к большему, Софи сдалась. Она обхватила своими нежными упругими ногами его талию, и они слились в водовороте каскадов бурлящего водопада. Её пленительные жаркие уста были чувствительны и до боли трогательны. Они улавливали даже самые слабые намёки и пожелания Степана. Их трепетность передавалась по всему телу нервной дрожью, разливаясь волнами горячих волнений и желанных услад.

София не придумывала положения своего тела, она мгновенно вписывала его, не осознавая этого для данного случая. Она была сексуальна и многогранно одарена, проявляя фантастические чудеса умения разнообразить. Способность беззаветно резвиться, почти по-детски, отдаваться, играя без остатка, умиляла и тянула к ней с ещё более невообразимой силой.

Все эти безумные, невообразимые выходы Софи делали Степана статистом, он едва успевал приспособливаться, выкручиваясь по ходу действия. Нежность, пылкость, чувственные страсти – всё это откладывалось в неопытной душе Степана и делало эту встречу незабываемой и ценнейшей практикой в познаниях с женщиной для Степана на всю его жизнь.

Устав, после каждой утехи, разморённая и счастливая, она откидывалась, положив голову на его колени, и сквозь прищур глаз самозабвенно любовалась Степаном. Её взору он представлялся юным Аполлоном. Он сидел, запрокинув голову, тяжело дыша, опершись спиной на край кровати. Её нежная пухлая ручка шаловливо купалась в шёлке золотистых кудряшек, зревших на его широкой груди.

Отдохнув и утолив жажду вином, их руки жадно искали друг друга; губы непроизвольно тянулись, сливаясь в бесконечный жаркий и страстный поцелуй. Это пламенное влечение навело на мысль о вечности счастья и жизни, зове природы, её незыблемости на нашей благодатной земле. Как прекрасна молодость, способная дарить людям радость любви и созидания неопишемого человеческого счастья.

Чем больше они сближались, тем очевиднее приближалась развязка. Истина наших заблуждений, наших грёз и ожиданий и их конец гораздо ближе, чем нам кажется. Эта страсть,

это влечение жаждущих познать друг друга до конца бушевало в их исступлённых душах, пока не иссякли их последние силы. Обессиленные, они рухнули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.